

Алекс Ключевской Илья Ангел

ТЁМНЫЙ МАГ

Книга 15

Тревожный путь

Алекс Ключевской (Лёха)

**Тёмный маг. Книга
15. Тревожный путь**

«Автор»

«Автор»

2026

Ключевской (Лёха) А.

Тёмный маг. Книга 15. Тревожный путь / А. Ключевской (Лёха) — «Автор», «Автор», 2026

Фландрия — последнее место, где Роман Гаранин хотел бы оказаться. Но контракт подписан, а счёт идёт на дни. Пока он балансирует на грани жизни и смерти в чужой стране, пытаясь хоть как-то уменьшить предсказанный исход, в Службе Безопасности учёные научного отдела такое отчудили...

© Ключевской (Лёха) А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алекс Ключевской (Лёха), Илья Ангел Тёмный маг. Книга 15. Тревожный путь

Глава 1

Я обвёл взглядом собравшихся в конференц-зале начальников отделов, что-то сосредоточенно писавших в своих ежедневниках. Последняя неделя была крайне напряжённой, больше из-за отсутствия информации и, главное, адекватных способов решения насущных проблем, таких как, например, внедрение агента к Клещёву. Из-за этого главное дело нашей службы тормовилось, никак не сдвигаясь с мёртвой точки.

Да и за Ромку все беспокоились. Он улетел во Фландрию, ни с кем не попрощавшись, не отвечал на звонки и сам не выходил на связь, и мы дружно искали решение его проблемы, постоянно нагружая Егора и весь аналитический отдел расчётами и прогнозами, остававшимися неутешительными.

— Так, ладно, оставим на время нашего президента и его шайку в покое. Всё равно пока Хрущёва не втёрлась в доверие, никакой исключительной информации нам не получить. У неё дела, в отличие от нас, продвигаются хорошо, так что в течение ближайшего времени надеюсь на получение первых данных, — решительно произнёс я, переводя взгляд на Егора, что-то бездумно чертившего на листе бумаги.

— Как ей это удалось? — спросил сосредоточенный Рокотов. Он уже некоторое время хмурился и бросал быстрые взгляды на дверь, словно его что-то беспокоило, но он никак не мог сформулировать это беспокойство даже для себя.

— О её взаимной и очень горячей любви с моим секретарём известно уже последней уборщице в президентском дворце, — ответил я. — Кто-то по-дружески загрузил запись, как она убегала от Эда по коридору СБ с воплями о помощи, ей в компьютер, и президент случайно её увидел. Теперь он считает, что её перевод — это ссылка, и начал проявлять к нашей вампирше осторожный интерес. И я всё это время жду, когда мне наконец расскажут, кто именно ей так удружил?

— Я, — невозмутимо ответил Эдуард. — Об этом эпизоде никто из вас не знал, а охрана не обратила внимание, мало ли какие у нас с Марго любовные игры, — он усмехнулся. — Я попросил Тима аккуратно вычленив запись и отправить ей в качестве напоминания. Она должна кое-что сделать для меня в частном порядке, но, похоже, забыла об этом. То, что запись была как-то по-другому оценена Яковлевым, я не знал и не рассчитывал на подобный эффект, но раз так получилось, то почему бы не воспользоваться ситуацией?

— Просто замечательно, — протянул я. — И что же она должна для тебя сделать? Достать особо ценный вид крови?

— Ты мне приказываешь ответить? — наши взгляды встретились, и я медленно отрицательно покачал головой. — В таком случае я пока не буду ставить тебя в известность. Во всяком случае до получения определённых результатов.

— Что по внедрению в группу Клещёва? — я отвёл взгляд от Эда и посмотрел на стол, ловя на себе удивлённые взгляды. Только Лео не выглядел хоть как-то заинтересованным. Для него это было нормально, более того, он нас чуть ли не обвинял, что мы, гады такие, просто чудовищно нарушаем все возможные традиции, даже Эдуард!

— Он начал активизироваться и уже дважды за неделю собирал своих преданнейших соратников, — ответил Демидов. — Штейн ходит с кислой миной и портит всем аппетит. У него сейчас принятие на себя бремя главы Рода в самом разгаре, а его дёргают непонятно зачем.

Все оторвались от своих записей и посмотрели на Дубова. Егор же сидел и продолжал что-то рисовать, не обращая на нас внимания.

— Егор? — я, нахмурившись, посмотрел на встрепенувшегося начальника аналитического отдела, поднявший на меня немного расфокусированный взгляд. — Ты с нами? Чем ты сейчас занят? Я, конечно, не эриль, но даже я вижу, что эти кружочки с хвостами и огромными лапами, которые ты чертишь, не являются очередной картой вероятности.

— Хм, да, ты прав, художник из меня никакой, — он натянуто улыбнулся и бросил на стол карандаш, откидываясь на спинку стула и потирая воспалённые глаза. Интересно, он хоть немного отдыхает? Когда я поднимаю этот вопрос, он посылает меня неприлично далеко и возвращается к работе. — А пингины живут в Арктике или Антарктике? — довольно серьёзно спросил он, отчего не ожидавший ничего подобного Андрей закашлялся, сделав перед этим глоток воды.

— В Антарктике, — чисто автоматически ответил я, после чего провёл рукой по лицу. — Преимущественно. Мне стоит интересоваться, зачем тебе эта очень уместная в данной ситуации информация?

— Я тут подумал и прикинул, что если собрать всех кенгуру в Австралии, а их, к слову, почти двадцать миллионов особей, что в полтора раза больше, чем населения этой самой Австралии, и переселить их в Африку, то можно захватить её часть одними только кенгуру без каких-либо человеческих потерь с нашей стороны, — предельно собранно ответил он, глядя куда-то перед собой невидящим взглядом. — Почти шестьдесят процентов, и это гораздо больше, чем у любых стран в мире при возникновении конфликта.

— А пингины здесь при чём? — решил всё-таки уточнить я, глядя, как Эд вытаскивает телефон и набирает чей-то номер.

— Как это при чём, кто-то же должен будет помогать кенгуру захватывать Мадагаскар, — удивлённо посмотрел на меня Дубов и потёр лоб, нахмурившись. — Хотя из них помощники явно выйдут никудышные. Вы знали, что семьдесят процентов своей энергии они тратят на то, чтобы удерживать равновесие на льду? Бедняги, — покачал он головой и прикрыл глаза.

— В Южной Африке водятся свои пингины, им оттуда быстрее будет до Мадагаскара добираться, — отстранённо проговорил Эдуард, поморщившись, когда человек, с которым он пытался связаться, ему не ответил.

— Правда? — встрепенулся Егор, подозрительно покосившись на Великого Князя.

— Абсолютная, — серьёзно ответил Эд, продолжая попытки дозвониться. — Их так и называют: африканские пингины. Ольга Николаевна, вы нам нужны в конференц-зале, срочно! — отрывисто бросил он в трубку и положил телефон перед собой.

— Ну это в корне меняет дело, — пробормотал Дубов и схватил карандаш, начиная что-то чертить на чистом листе. — А сколько их там обитает?

— Понятия не имею, я их не считал, — пожал плечами Эдуард под недоумевающими взглядами всех собравшихся.

— Егор, с тобой всё в порядке? — мягко поинтересовался я, сосредоточившись и активируя ментальный дар. Привычная серебристая сеть, идущая по всему телу друга, берущая начало в его голове, как-то нездорово пульсировала. Я даже увидел несколько разрывов, расположенных близко к мозгу и, соответственно, к источнику. — Ты вообще отдыхаешь?

— Как я могу отдыхать, когда мой друг в смертельной опасности, — огрызнулся он, продолжая делать какие-то заметки. — Или мне одному из всех, кого Рома считает близкими людьми, важно, чтобы он вернулся из этой проклятой Фландрии хотя бы живым, не говоря уже о том, чтобы он был здоровым?

— Мы все пытаемся найти способ вытащить его до того момента, когда его прикончит неведомая нам сила, — процедил Ваня, потирая глаза.

— Да, заметно, — скептически проговорил Дубов. — Так сколько африканских пингвинов в Южной Африке? — довольно резко спросил он.

— Пятьдесят тысяч, не больше, — раздался голос Ахметовой, вошедшей в конференц-зал без стука. — Что случилось? — обвела она обеспокоенным взглядом внешне совершенно здоровых руководителей Службы Безопасности. — К чему такая срочность, я не вижу...

— Хм, этого слишком мало, — сделал вывод Егор, не обращая на неё внимания. — Зачем тем миллионам кенгуру всего пятьдесят тысяч неправильных пингвинов?

— Почему неправильных? — мягко спросила наш главный целитель, осторожно подходя к Дубову, на которого я кивнул, отвечая тем самым на её вопрос.

— Потому что пингины должны жить в Арктике, — простонал Егор, схватившись за голову. — Да что она сегодня так раскалывается.

— В Антарктике они должны жить, — выдохнул я. — Забирайте его и не выпускайте, пока он не отдохнёт и не выспится. Никаких бумажек и ручек ему не давайте, лучше даже будет, если вы его усыпите. У него источник на грани истощения и несколько нитей разорваны, — пояснил я, кивнувшей Ахметовой, помогающей Егору подняться на ноги.

— Да я в порядке, — попытался вырваться наш ведущий эриль из цепкого захвата медика.

— Будешь руками махать — я попрошу принести смирительную рубашку, — ласковым голосом проговорила Ольга Николаевна, уводя что-то неразборчиво бубнившего друга из зала совещаний.

— Как не вовремя. И почему никто не увидел, в каком он состоянии находится раньше? — задал я риторический вопрос больше самому себе.

— Потому что он не выходит из своего кабинета, кажется, даже дома не ночует. Всё равно там никого нет: Ванда всё ещё в Твери во временном штабе центра по контролю и распространению заболеваний, а Алина пытается помириться с Агнешкой, находясь там же под предлогом поддержки подруги, — пояснил Лео, задумчиво рассматривая лежавшие перед ним бумаги.

— Ладно, будем справляться первое время своими силами без помощи ведущего эриля, — подытожил я. — Следим за Клещёвым со стороны. Если Егор не оклемается за пару дней, будем внедрять Третьякову, у нас уже нет времени, чтобы искать лучший вариант. Это не обсуждается, — поднял я руку, прерывая попытавшегося возразить Рокотова. — Не нравится такой расклад, выход простой: пусть пишет заявление на увольнение и полностью посвящает себя налаживанию семейного быта.

— Жёстко и довольно жестоко, — хмыкнул Андрей, улыбнувшись, не глядя на полковника.

— А мы здесь не в песочнице играем, — резко ответил я, понимая, что начал выходить из себя. Мне, похоже, самому до подсчёта кенгуру при атаке на Фландрию оставалось не так уж и много. — У кого-нибудь есть хоть какая-то информация по Гаранину? Почему он обрубил все контакты и не выходит на связь?

— Твой зам это сделал, чтобы не компрометировать Службу Безопасности Российской Республики, — пожал плечами Демидов. — Рома же там как глава Гильдии находится, и будет странно, если он напортачит, а потом всплывёт, что его координировали мы. В общем-то, его молчание вполне логично.

— Оно не логично с точки зрения главы его семьи, — прервал я рассуждения Лео. — Или ты думаешь, что это нормально — полное игнорирование моих попыток связаться с младшим членом Рода, чтобы узнать, жив ли он вообще или уже нет?

— Это можно расценивать как попытку избежать приказа бросить всё и вернуться, — пожал плечами Демидов. — Может быть, ты не одобряешь его дела с Гильдией? Тогда получается, что он решил отложить наказание на потом: вернётся и будет наказан сразу за всё. Для

некоторых представителей Древних Родов так лучше, чем получать семейную любовь порционно.

— Туше, — я поморщился. — И что, совсем никаких слухов?

— Мои источники сообщают, что его несколько раз видели неподалёку от Реттингтона, по крайней мере, в тех же местах, где тот находится со своей свитой из охраны и сопровождающих, — немного помолчав, ответил Лео. — Так же у меня есть непроверенная информация, что его хочет видеть Колинз, но это требует уточнения.

— Что президенту Фландрии нужно от Гаранина? — удивлённо поинтересовался Эдуард.

— Не знаю, — честно ответил Демидов. — Хотя, если подумать, то подобный интерес не удивителен, если они узнали, что Роман находится у них в стране. Может, он хочет заказ оформить. Местные Гильдии такие убогие и продажные, что только идиот может на них положить и хоть что-то им заказать, — фыркнул Лео. — Я бы даже пиццу через них не решился себе доставить, они напрочь всё испортят. Но, повторяюсь, я жду подтверждения.

— Было бы удивительно, если бы они не знали о том, что один из сильнейших магов мира прибыл в их страну. Это дело времени, пока он не наткнётся на какую-нибудь Алину, которая с радостью его сдаст спецслужбам, — ровно произнёс Ваня, постукивая пальцами по столешнице. — Тем более, насколько я знаю, Роман особо и не скрывался изначально, полетев туда на своём самолёте.

— Эм, нет, ты не совсем прав, — усмехнулся начальник разведки, передавая ему какую-то бумажку. — Это мне передали мои фландрийские «друзья-таможенники» за десять минут до начала совещания.

— Почему ты сразу это не озвучил, пока Дубов был ещё в более-менее адекватном состоянии, — бросил листок на стол Рокотов, а я с трудом поборол в себе желание сорваться с места и прочитать, что же там такого интересного доложили Демидову его, хм, внештатные агенты. — Это может в корне всё изменить.

— Лично я сомневаюсь, что это на что-то повлияет. Но время, чтобы подготовиться, у Ромы может быть немного больше, пока он не встретит кого-нибудь, кому известно про этого урода, например, своего отца, которого слишком уж часто стали видеть возле нашей цели, — протянул Лео, а я всё-таки не выдержал и, медленно поднявшись, прошёл к дальнему концу длинного стола и схватил эту проклятую бумажку.

— Лео, ты почему об этом не сказал сразу?! — воскликнул я, разглядывая документы, по которым Ромка прошёл таможеню. — Где он вообще взял фландрийский паспорт Влада Льевски? Или это те, что вывалились из того тайника на его квартире?

— Похоже на то, — проговорил Андрей, выхватывая у меня копию паспорта. — Здесь он даже больше похож на себя, чем на своих собственных документах.

— Так, ладно, нужно найти способ связаться с ним, чтобы решить, что делать дальше. Андрей, напряги эрилей, пусть прикинут расклады в связи с новой информацией. Думаю, с этим они вполне могут справиться и без Егора, — отдал я распоряжение, возвращаясь на своё место во главе стола. — Ладно, продолжим, у нас осталось ещё несколько неотложных вопросов.

Дверь в приёмную заместителя начальника СБ резко распахнулась, и внутрь влетела запыхавшаяся Ванда. Закрывшись, дверь слегка заглушила начавшую орать сирену, но пронзительный звук всё равно проникал в приёмную, заставляя сидевших здесь людей морщиться, словно от зубной боли.

Ванда только что прошла через пропускной пункт и не думала, что эти громкие завывания системы оповещения сигнализируют о чём-то важном. На вахте всё было спокойно, и Ванда сомневалась, что кто-то снова стрелял в навязчивого ухажёра, как сделала она сама не так уж и давно.

Сидевшие за своими столами Ромины секретари отвлеклись от своих безусловно важных дел и повернули головы, удивлённо разглядывая пытающуюся отдышаться Вишневецкую.

— Где он? — Ванда смотрела на Ольгу, наклонившую голову слегка набок и внимательно разглядывающую растрёпанную девушку, напрочь игнорируя при этом Полянского. — Почему я не могу уже неделю до него дозвониться, а мне никто ничего внятного не говорит?

Ольга продолжала молча её разглядывать, а Полянский кашлянул, привлекая на мгновение внимание Ванды, но тоже ничего не ответил.

— Я жду хотя бы от тебя более-менее вменяемого ответа, — Ванда снова сосредоточилась на Ольге, стиснув зубы и сложив руки на груди.

— Это очень сложный вопрос, я бы даже сказала философский, — немного отрешённо ответила секретарша, разглядывая сверкнувший на свету красноватый камень в изысканном кольце на безымянном пальце Вишневецкой. — Жизнь и смерть — довольно относительные понятия. Но вот это в корне всё меняет. Нужно смотреть в другом разделе каталога.

Ванда моргнула и опустила руки. Она уже и забыла, что Ольга настолько странная, что в СБ вопрос о том, что нашёл в ней Эдуард, волнует всех, как бы не больше вопроса, что Ванда с Гараниным нашли друг в друге.

— Я тебя не понимаю, — почти через минуту молчания проговорила Вишневецкая, устав ждать, когда же потерявшая к ней интерес Ольга внятно ответит на её вопрос.

— Почему ты такая бледная? — Орлова вновь подняла на неё взгляд, разглядывая на этот раз более внимательно, словно мерки снимая.

— Потому что я всё это время провела в лапах этих козлов из центра по контролю распространения заболеваний и свихнувшихся на науке целителей, — передёрнула плечами Ванда, вспоминая время, проведённое в качестве подопытного кролика в наспах собранных лабораториях.

— И что, они выяснили, в чём проблема твоей феноменальной живучести? — хмуро поинтересовался Денис, поднимаясь на ноги и садясь на край стола, чтобы видеть лицо бывшей однокурсницы.

— Нет, — Ванда покачала головой. — Но мне кажется, что в моём теле не осталось ни одного места, которое бы они не просканировали и не обследовали, чтобы выяснить причину моего иммунного ответа. Он даже лучше, чем у Ромы, а у Штейнов иммунитета вообще нет, это так, к слову. На основе моей крови и выделенных из неё антител они решили создавать универсальную вакцину от всей группы геморрагических вирусов.

— Так почему ты такая бледная? — снова спросила Ольга, перелистывая несколько страниц в лежавшем перед ней на столе журнале.

— Потому что из меня выкачали за всё это время литра два крови! — Ванда сжала кулаки. — У меня развилась тяжёлая анемия, и от меня наконец-то отстали, потому что я пригрозила, что если умру на благо науки, то они будут оправдываться перед Наумовым, являющимся моим другом и начальником, перед Гараниным, как перед моим женихом, и самое главное, они будут оправдываться перед бабулей, потому что с ней они небольшую проблему, в виде моей кончины, не смогут решить полюбовно, — выпалила Ванда, переводя взгляд на дверь Роминога кабинета. — Так что случилось? Где он?

— Знаешь, ты могла бы остаться там, — ответила Ольга, не поднимая на неё глаз. — Тебя бы как раз хватило ещё на пару недель, и вы бы умерли вместе. Это так романтично на самом деле, — мечтательно произнесла она. — Кстати, как тебе этот вариант? В традициях Империи и Древних Родов, и довольно элегантный.

— У тебя с головой всё в порядке? — осторожно поинтересовалась Ванда, разглядывая изображённый на картинке гроб. Журнал, который листала Ольга, оказался каталогом похоронных принадлежностей.

— Почему он двухместный? — решил уточнить Полянский, склонившись над каталогом. — Ты же ещё несколько минут назад остановилась на том стильном белоснежном гробу из какого-то редкого сорта дуба, с подозрительными руническими символами на крышке. Ты думаешь, Вишневецкая не сможет пережить такое потрясение и хоронить придётся обоим? Брось, она же Штейн, они как тараканы, всех переживут, — хмыкнул Денис, поднимая взгляд на растерявшуюся и ничего не понимающую Ванду.

— Рома — представитель Древнейшего Рода, — Ольга посмотрела на него с заметным раздражением и закрыла журнал, сделав на странице предварительно пометку чёрной ручкой. — Ты же должен знать, что во времена Империи было принято хоронить прямых наследников и глав Родов вместе с женой или невестой. Кажется, это касалось ещё и официальных любовниц, но здесь я не уверена, нужно уточнить. Кстати, у Романа Георгиевича была любовница? — спросила она у Ванды.

— Нет, — прошептала девушка, чувствуя, что ещё немного и начнёт визжать, хватая секретарей за грудки, чтобы вытрясти из них правду.

— Как сомнительно, — Ольга задумчиво провела указательным пальцем по губам. — Учитывая, что ты сама жаловалась, что он дома практически не бывает. Рома молодой мужчина с определёнными потребностями, так что нужно обязательно выяснить этот момент, чтобы на похоронах не возникло неловкости.

— Да что происходит?! — закричала Ванда, чувствуя, как начинает болеть голова.

— О, красивое колечко, — протянул Полянский, бесцеремонно хватая её руку и разглядывая обручальное кольцо. — Артефактное. Кажется, парное и очень древнее, а отсюда — баснословно дорогое. Но тебе лучше у твоей воровской семейки узнать, сколько ему веков и какова стоимость, они в этом лучше разбираются.

— Бабулю не трогай, — автоматически огрызнулась Ванда.

— Не хочешь интересоваться у бабули, спроси у отца, — равнодушно ответил Денис. — И позволь уточнить, прежде чем тебя в гроб запикивать: это Гаранин подсуетился, или Белевский всё-таки успел сделать предложение, от которого ты не смогла отказаться?

— Рот закрой, — с угрозой в голосе произнесла Ванда и посмотрела на Орлову. — Оля, что происходит, где Рома?

— Ты что, серьёзно не знаешь? — присвистнул Полянский, отвечая вместо Ольги. — Да об этом уже неделю вся СБ говорит. У него какое-то персональное задание от Гильдии во Фландрии, и Дубов дал девяносто девять процентов, что он оттуда живым не вернётся. Это так эгоистично со стороны Гаранина, на самом деле. Только представь, он отбросит тапки, и я останусь без работы, а ты умрёшь вместе с ним во имя родовых извращённых традиций этих психов из Древних Родов. Додумался же, когда предложение сделать. Ванда, смиришься, он вряд ли тебя любит.

— Да быть этого не может, Рома бы мне сказал, прежде чем уехать. Да хоть кто-нибудь мне об этом точно бы сказал, — пробормотала Ванда и, резко развернувшись, выбежала из приёмной.

— Странная какая-то. Должна радоваться, что избавится наконец-то от этого психа и наверняка получит очень большое наследство, — пробормотал Денис, возвращаясь на своё рабочее место. — Да, а мне нужно подумать о работе. Так, где-то здесь был телефон министра путей и сообщений, он вроде говорил, что ему нужны помощники.

— Ты сегодня какой-то странный, не похож на себя. А что, ты в СБ не планируешь оставаться? — с интересом в голосе спросила Ольга.

— А кто меня здесь оставит? Мне кажется, в этом месте меня ненавидят ещё больше, чем моего двинутого начальничка. Ага, вот он, — щёлкнул пальцами Полянский, кладя перед собой визитку министра Смирнова, но так и не решаясь пока набрать написанный на ней номер.

Роман сидел за барной стойкой в дальнем углу элитного заведения Фландрии, наблюдая за Реттингтоном и его окружением, расположившись за столом практически в центре зала. У Гаранина было несколько идей, как влиться в это самое окружение, чтобы как минимум узнать расписание его цели, но пока медлил, не предпринимая слишком активных действий. Той информации, которой он владел, было недостаточно, чтобы составить план с учётом всех нюансов как со своей стороны, так и со стороны СБ. Да и в последние дни рядом с Реттингтоном постоянно находилось слишком много посторонних, что усложняло задачу частного общения.

— Он просто параноик, — поморщился Гаранин, делая глоток холодной воды. — Ладно, а если с этой стороны зайти, — пробормотал он, начиная составлять уже десятую за этот вечер карту вероятностей.

— Ну, здравствуй, дорогой, давно не виделись, — за спиной раздался знакомый женский голос. Приближение Анны Маркеловой, его бывшей невесты, секретом для Романа не было. Она совершенно не скрывала своего дара эмпатика, пытаясь воздействовать на него сразу, как только заметила, поэтому он даже не шелохнулся, когда она подошла, спокойно доделывая прогноз.

Только после того, как результат сложился в неутешительные пятьдесят четыре процента, Рома медленно повернулся и окинул пристальным взглядом практически не изменившуюся за столько лет девушку, окончательно убеждаясь, что в ней не было ничего, что могло бы его привлечь. Полная противоположность Ванды.

— Мы знакомы? — ещё раз окинув её взглядом, произнёс Роман, откладывая в сторону ручку и убирая исписанные листы в карман куртки.

— Рома, как ты мог меня не узнать? Не думала, что я так сильно изменилась, — Анна хищно улыбнулась, проведя указательным пальцем по его руке, которую он даже не попытался одёрнуть.

Раньше даже небольшого влияния дара эмпатика хватало, чтобы успокоить или, наоборот, всколыхнуть его источник, делая его нестабильным. Сейчас же, благодаря крови Лазаревых и перстню, даже тесный контакт никак на нём не отразился, и Рома намеренно не отклонился от прикосновения, чтобы в этом удостовериться.

— Вы ошиблись, — усмехнулся он, наконец убирая руку и отворачиваясь от навязчивой собеседницы.

— Я знаю, что ты находишься в стране под именем некоего Влада Льевски, — наклонившись к нему, прошептала Анна. — Но, знаешь, есть один нюанс: господин Льевски магом не является, в отличие от тебя. Только вот мне непонятна одна вещь: почему я не могу на тебя влиять?

— Стареешь, — пожал плечами Рома. — Что тебе нужно?

— Поговорить. Просто немного поговорить, — она прищурилась. — Мы с тобой так нехорошо расстались, а ведь хотели пожениться...

— Ты немного путаешь, поженить нас хотел твой отец. Мне ты никогда не была интересна, — довольно резко ответил Гаранин, поворачиваясь к Анне и не обнаружив поблизости Виктора, да и вообще никого из спецслужб Фландрии. — Что тебе нужно?

— Нам нужно уже всё решить окончательно. Не беспокойся, я тебя случайно увидела. Виктор не знает о том, что я здесь с тобой, — спокойно ответила Анна, делая глоток воды из стакана, стоявшего рядом с Гараниным.

— Не боишься, что отравлено? — хмыкнул Гаранин, откровенно разглядывая свою собеседницу, демонстративно развалившись на стуле. Он не знал, распространяются ли на эмпатиков его новые способности, но не чувствовал, чтобы она ему врала.

— Ты же себя не будешь травить. А к алкоголю, я смотрю, ты до сих пор предвзято относишься, — поморщилась она, ставя стакан на стойку.

— Да, после того как я взорвал отель с проститутками, как-то больше не хочется повторять. Слишком накладно, знаешь ли, даже для меня, — хмыкнул он. — Так, о чём ты хочешь поговорить? Мне кажется, в прошлый раз мы всё обсудили, и, если мне память не изменяет, я предельно ясно сказал, чтобы ты вместе со своим муженьком не попадались больше мне на глаза. Особенно после случившегося не так давно. Гуманизм — это та болезнь, которая обошла меня стороной, и я едва сдерживаюсь, чтобы не пристрелить тебя прямо здесь.

— Из-за тебя я лишилась всех своих денег! — выпалила Анна. — Поверенный Наумова обнулил не только счета Виктора, но и мои! Нам даже пришлось разменять квартиру...

— Можешь подать на главу моей Семьи в суд и потребовать компенсации, — холодно ответил Гаранин. — Ещё вопросы?

— Ты женат? — она нахмурилась, разглядывая кольцо на его пальце. — Ты же не можешь жениться из-за связи с Гильдией.

— Тебя это вообще касаться не должно, дорогая. Если это всё — прошу на выход. Это заведение запрещено посещать сотрудникам фландрийской Службы Безопасности, — он махнул рукой, подзывая к себе бармена.

— Я не работаю на СБ...

— А твой муж работает. Извините, свяжитесь с охраной, здесь...

— Стой, не устраивай сцену, я сама уйду, — Анна схватила его за руку. — Но мы с тобой ещё не закончили, — прошипела она и направилась к выходу из бара, чеканя каждый шаг.

— Что, дорогая, не по твоему сценарию этот разговор пошёл? — хмыкнул Роман и повернулся к ожидающему бармену. — Это супруга начальника СБ. Скажите вашей охране, чтобы они были более внимательны, — Рома встал, в сотый раз уже окинув взглядом зал. — Ну, значит, вам надоело ждать, и вы решили первыми проявить себя. Хорошо, учтём и скорректируем несколько деталей, — посмотрев на часы и прикинув оставшееся время, он поднялся и направился в сторону выхода. На сегодня у него было запланировано ещё несколько важных дел.

Глава 2

Егор лежал на больничной койке и смотрел в потолок. Потолок был абсолютно белый, на нём даже самый придирчивый взгляд не смог бы обнаружить ни одной трещинки, поэтому смотреть на него было неинтересно. Мысли текли вяло после тех литров различных зелий, которыми его накачали, а все звуки доносились издали, словно сквозь толстый слой ваты.

Повернув голову, Дубов увидел сидящую возле кровати Ванду. Она что-то кричала, размахивая руками, а на её личике застыл страх. Егор попытался вслушаться в то, что она кричит, чтобы понять, что же её так сильно напугало, но ему мешало завывание, доносящееся с другой стороны кровати. Повернувшись в ту сторону, Дубов увидел лежащую рядом Соню. Мантикора вытянулась вдоль его тела, плотно прижимаясь, и дрожала так, что кровать ходила ходуном. С трудом подняв руку, Егор погладил Соню по голове, но она, вместо того, чтобы хоть немного успокоиться, начала стенать ещё горше.

Все вопли перекрывала противно гудящая сирена. Она пробивалась сквозь вату в ушах, заглушая даже стоящего у двери красного Чигова, который орал на Егора, на Соню, снова на Егора. Насколько Дубов понял, мантикора появилась в СБ совершенно неожиданно, нарушив сложную систему защитного контура. Раньше она так не делала, и Егор терялся в догадках, почему решила появиться именно сейчас.

Сирена стихла, и в наступившей на мгновение тишине голос Чигова прозвучал особенно громко:

— Какого чёрта здесь вообще происходит?

— Понятия не имею, — Егор улыбнулся. — Вы орёте на меня, причём все разом, не обращая внимания друг на друга, и совершенно не даёте мне ответа на очень важный вопрос: сколько пингвинов живёт конкретно на Мадагаскаре?

— Ни одного, — простонала Ванда, закрыла лицо руками и ткнула лбом в матрас.

— Жаль, — Егор закрыл глаза. — Значит, по моим подсчётам нужно отловить двадцать тысяч пингвинов к тем пятидесяти тысячам из Южной Африки и направить их на Мадагаскар. Этого должно быть вполне достаточно. Учитывая подкрепление в виде нескольких десятков миллионов кенгуру. — Сказав это, он негромко рассмеялся.

— Зачем? — Чигов непонимающе помотал головой.

— Вот от тебя я такого тупого вопроса не ожидал, — ответил Егор. — Как это зачем? Чтобы захватить Мадагаскар, конечно.

— И как это я сам не додумался? — саркастически заявил Чигов. — Что произошло? Почему твой фамилляр решил тебя навестить?

— На этот вопрос я могу ответить, — в палату больничного крыла зашла Ахметова. Подойдя к Дубову, она посветила ему в глаза маленьким фонариком и, удовлетворённо кивнув, протянула ему очередной флакон с зельем. — Выпей, — тоном, не терпящим возражений, приказала она, и Егор послушно выпил предложенное лекарство. Ольга Николаевна забрала пустой флакон и повернулась к Чигову. — Я искусственно снизила мозговую активность Дубова до критически низких величин. Мантикора, скорее всего, почувствовала это и подумала, что что-то случилось, возможно даже, она решила, что Егор умирает. Поэтому и появилась, чтобы удостовериться, что всё хорошо. Ну, или максимально плохо, — добавила она, глядя, как кошка завывала и прижалась к Егору ещё сильнее.

Чигов только головой покачал и вышел из палаты, чтобы доложить Рокотову о произошедшем. Егор же приподнялся на локтях и спросил слегка заплетающимся языком:

— Когда мне можно будет приступить к работе?

— Какая тебе работа? — Ахметова сурово сдвинула брови. — Чтобы двое суток даже не задумывался об этом. А не то я тебя в полноценную кому погружу и буду в ней держать, пока показатели мозга не придут хотя бы в относительную норму. Я только одного не понимаю, вы почему все мечтаете сдохнуть от инсульта в столь молодом возрасте и испортить нам всю статистику? Можешь не отвечать — это был риторический вопрос.

— Я так и понял, — Егор откинулся на подушку, снова начиная бездумно разглядывать потолок.

— Ну раз понял, значит, будешь хорошим мальчиком и не будешь даже пытаться что-то прогнозировать, — Ахметова плотоядно улынулась. — Не вынуждай меня тебя наказывать.

Ещё раз посветив ему в глаза, Ольга Николаевна вышла из палаты, оставив с Егором Ванду и Соню. Наступившую тишину прерывали периодические вздохи мантикоры. Ванда снова уткнулась лбом в матрас рядом с рукой Егора и еле слышно всхлипнула.

— Почему ты ничего не сказал про Рому? — наконец выдавила она из себя. — Меня почти похоронили в Центре по контролю и распространению заболеваний, и я понятия не имела о том, что здесь происходит. А сегодня всё это дерьмо мне вылили прямо на голову, и я не знаю, как на это реагировать и во что верить. Егор, почему ты мне ничего не сказал?

— Потому что это ничего не изменило бы, — вяло ответил Дубов, не отрывая взгляда от потолка. На подругу он не смотрел, почувствовав, как из уголка глаза по виску стекает одинокая слезинка. — Рома попросил меня не говорить тебе, но даже это не главное. Если бы ты знала с самого начала, ничего бы не изменилось! — он стукнул кулаком по матрасу. — Зато началось бы нытьё: «Может быть, я поеду с ним?»; «А может быть, я буду ему помогать? Подавать патроны, да и просто сама завалю этого уроды»; «А может быть, я вообще вместо него поеду?», и так далее и тому подобное. Только, Ванда, это всё равно ничего бы не изменило!

— Ты не можешь знать... — пискнула Ванда и тут же отпрянула, столкнувшись с яростным взглядом Егора.

— Я не могу знать? — прошипел он. — Ванда, он в любом случае по истечении этого проклятого месяца будет мёртв! Даже если туда поедет Ваня, ничего не изменится. Даже если туда поедет Ваня с Эдом — итог будет прежний. Даже если поедет Ваня с Эдом и волками — ничего не изменится. Да даже если туда поедет Ваня с Эдом со всеми волками в мире, включая Устюгова под предводительством Димы! О боги, даже если мы им вдогонку отправим тридцать тысяч кенгуру, да хоть все миллионы, а Ваня перед этим бросит Киру, и та успеет прибыть во Фландрию первой, чтобы от переизбытка чувств спалить эту чёртову страну вместе с неизвестным нам заказчиком — ничего не изменится.

— А если я найду заказчика? — Ванда вытерла злые слёзы.

— Ты чем слушала? — Егор оскалился. — Даже если ты собственноручно придушишь заказчика, и он перед этим отменит свой заказ, это уже ни на что не повлияет — через три недели Роман Гаранин перестанет быть. Или уже две, не важно. Всё, финита! Нам остаётся только смириться. К счастью, времени для этого вполне достаточно. И да, ты узнаешь об этом первой, потому что твоё кольцо спадёт, а у нас с Ромой нет связи. Я знаю об этой паре фамильных украшений, доставшихся ему то ли от бабки, то ли от прабабки по материнской линии, не важно, — махнул он рукой в сторону обручального кольца. — Мне Рома сам об этом сказал перед тем, как уехать. Сама ты снять его не сможешь, пока он жив, или пока он не сдёрнет его с твоего пальчика собственноручно, когда ты совсем его достанешь и он подаст на развод. Но этого не случится, потому что я не могу ничего изменить. Я даже не могу понять, почему это произойдёт, и это меня чертовски бесит!

— За что ты так со мной? — прошептала Ванда, уже даже не пытаясь вытирать слёзы.

— Прости, — ответил Егор довольно равнодушно. — Я всего лишь впервые в жизни сказал правду, ничего не приукрашивая и не пытаясь щадить твои чувства. Извини, но я устал, всё-таки Дима меня сюда не просто полежать отправил.

Ванда резко встала, чуть не опрокинув стул, и направилась к выходу, почти не видя, куда идёт. Соня приподняла голову и проводила её сонным взглядом. Она так сильно переволновалась, когда почувствовала, что её связь с Егором практически разорвалась, что сейчас испытывала сильную апатию. Егор же закрыл глаза, пробормотав недоумённо:

— А правда, что это на меня нашло? Почему я решил всё именно сейчас высказать?

Когда пронзительный звук сирены стих, я решил продолжить совещание. Рокотов как раз закончил выслушивать доклад дежурного, отключил передатчик и ответил на мой вопросительный взгляд:

— Мантикора Дубова прорвала защитный периметр. Именно на неё сработала сигнализация. И у меня возникает вопрос, как ты умудрился протащить астрального паразита в подвал, не нарушив контур, — он повернулся к Эду, сверля того прокурорским взглядом.

— Ты сейчас это серьёзно спрашиваешь? — Эдуард нахмурился. — Ваня, неужели ты думаешь, что для себя я не оставил пару лазеек?

— Нет, почему же, я думал об этом, но теперь знаю наверняка. Впрочем, не лишним было убедиться, что ты ни одного действительно важного дела не доводишь до конца, — резко ответил Рокотов и с грохотом открыл свою папку.

— Хм, — протянул я, глядя на чем-то раздражённого полковника. Он ещё ни разу на моей памяти не позволял себе подобного. — Видимо, Соню тоже беспокоило состояние Егора, раз она решилась пройти через темномагический щит. Обычно твари Астрала очень чутко чувствуют Тёмных и предпочитают не связываться. Надо не забыть зайти в больничное крыло.

— Даже кошке есть дело до Дубова, — задумчиво проговорил Рокотов, глядя перед собой. — Не поймите меня неправильно, я тоже беспокоюсь — мальчик может просто перегореть, если продолжит работать в таком темпе. Вот только мне интересно, а если со мной что-то подобное случится, никто даже не почешется? Создаётся странное впечатление, что никто даже не заметит моего отсутствия, если вдруг я однажды не выйду на работу.

— О, поверь, Иван Михайлович, то, что тебя нет, поймут абсолютно все в течение двух секунд, — протянул Лео, с любопытством разглядывая Рокотова. — Но этого же никогда не произойдёт, потому что ты всегда находишься на своём месте.

— Вот именно! — Ваня резким движением захлопнул папку. Я даже вздрогнул и невольно отшатнулся, настолько это было неожиданно. — Я всё время пашу, как тот конь, и хоть раз услышал хотя бы простое «спасибо»? Нет, не слышал, потому что все воспринимают меня как должное. Этакая часть интерьера, которая всегда находится на своём месте, и все, конечно же, заметят, если её на этом месте не обнаружат. Сначала не поймут, а потом обрываются.

— Ваня... — начал я, но Рокотов меня перебил. Он вообще, похоже, никого из нас не слышал, выговаривая всё, что накопилось за многие годы.

— У меня нет времени ни на что, кроме работы! Я не могу даже нормально заняться своей личной жизнью. Да что уж тут говорить: у меня нет времени, чтобы кольцо купить и сделать уже Кире предложение! Неудивительно, что за глаза меня называют закомплексованным неудачником! — он начал подниматься, а мы с Эдом переглянулись.

— Что? — я снова попытался его как-то успокоить. — Что с тобой происходит? Если ты закомплексованный неудачник, то что тогда говорят о нас?

— О, тебе лучше об этом не знать, — и Рокотов очень мерзко улыбнулся.

— Если ты так хочешь жениться, то можешь просто сходить в мэрию и оформить отношения, — добавил Эдуард, но, судя по изменившемуся Ваняному лицу, лучше он не сделал. — Там вроде бы даже кольца можно купить. Дима, ты в мэрии кольца покупал?

— Нет, — я бросил быстрый взгляд на тонкий ободок очень простого на вид золотого кольца, блеснувшего на моём пальце. — Кольца Ромка купил по дороге в мэрию, когда я его позвал в качестве свидетеля.

— Я так и знал, что у Гаранина слишком много свободного времени. То он отели с проститутками взрывает, то кольца покупает, — выплюнул Рокотов. — Если бы не определённые обстоятельства, боюсь, мы бы даже не узнали, что он отправился во Фландрию, чтобы там героически сдохнуть. Как же я ненавижу эту поганую страну, кто бы знал, — протянул он и направился к выходу из конференц-зала.

— А тебя больше задело, что он отель взорвал? — зачем-то решил уточнить Лео.

— А что, в этом зале есть мужчина, который не мечтал бы в свой редкий выходной взорвать отель в окружении девочек из десятой Гильдии? — Ваня резко развернулся и посмотрел на него так, что Демидов заёрзал на стуле.

— Ваня, мне тебе отель купить и дать отпуск, чтобы ты разрушил его по камешкам? — я потёр лоб. Не понимаю, что на него нашло?

— Я сам могу позволить себе купить отель и снять половину десятой Гильдии в качестве девочек-болельщиц! — рявкнул Рокотов. — Проблема в том, Дима, что у меня нет на это времени! Я работать. Вы знаете, где меня найти.

И он вышел, хлопнув за собой дверью.

— Что это с ним? — я повернулся к Эду. — С Кирой поругался?

— Понятия не имею, — протянул Великий Князь. — Но я выясню, не беспокойся.

— Раз уж у нас сегодня день откровений, позвольте и мне высказаться, — на этот раз слово взяла Леонтьева, поднимаясь. — Возможно, да, скорее всего, я единственный человек во всей СБ, кто искренне рад, что так получилось с Гараниным. И я каждый день молюсь своему богу, чтобы прогноз Дубова сошёлся на все сто процентов. Этот скот большего не заслуживает! Ну вот, я это сказала. Теперь можете меня дружно ненавидеть, но мне как-то легче стало.

Она подхватила свою папку и направилась к выходу из конференц-зала, под нашими удивлёнными взглядами.

— Что-то происходит, и я понять не могу, что именно, — задумчиво протянул Лео. — Вот что, мне нужно просто срочно прогуляться по СБ и всё выяснить. И да, Ванда вернулась в Москву и уже должна быть где-то на подходе к СБ. Думаю, что тебе, Дима, нужно уже ей всё рассказать. И ты, как глава Семьи, должен принять этот удар на себя, пока она не наткнулась на какую-нибудь Леонтьеву, и у нас здесь не произошло смертоубийство. Причём на начальницу отдела кадров я не поставлю, как бы радостно ей ни было на душе.

Мы с Эдом остались одни, не прошло и минуты с того момента, как Рокотов высказал нам всё, что у него накипело.

— Вот это вот, что сейчас было? — я пальцем указал на дверь. — И нет, я не помню, чтобы кого-то отпускал. И где снова Медведева? Почему она с завидным постоянством игнорирует летучки с главами отделов? Где Денис? И почему Андрей решил не возвращаться после того, как я его отправил в аналитический отдел?

— Довлатов проводит дознание. Насчёт Медведевой я уточню, как и насчёт всего остального, — Эд задумчиво провёл пальцем по губам. — Про Боброва вопрос, как ты понимаешь, риторический.

— Уточни, будь так добр, потому что скоро я точно расформирую научный отдел к чёртовой матери, и сейчас мне для этого нужен всего лишь небольшой повод, — я раздражённо захлопнул папку. Мы сегодня так и не обсудили нормально ни одного из запланированных вопросов, так что мне было от чего беситься.

Из конференц-зала мы прошли в мою приёмную, где Эд занял своё место и сразу же потянулся к трубке стационарного телефона. Я же прошёл в свой кабинет. Пока мы шли по

коридорам, я заметил, что в здании стало как-то нереально тихо. Словно ураган прошёлся по СБ, утащив всех сотрудников в неведомые дали.

— Так, ладно, если бы что-то произошло, мне бы уже об этом сообщили, не так ли? — спросил я сам у себя. Да и дежурный должен был всё проверить после прорыва контура. Мои размышления прервал телефонный звонок. Посмотрев на высветившийся номер, я поморщился. Этому-то что от меня надо, но, тем не менее, поднял трубку. — Слушаю вас, Савелий Юрьевич. Что понадобилось от скромного начальника Службы Безопасности нашему президенту? Селекторное совещание? Сейчас? И сколько времени оно займёт? Вы не в курсе, понятно, — я снова поморщился. — Хорошо, я сейчас подключусь и попрошу секретаря отменить на сегодня все запланированные дела.

Отключившись, я протёр руками лицо. Ненавижу селекторы. Они обычно занимают весь остаток дня и кроме пустой болтологии ничем не заканчиваются. Нажав кнопку на телефоне, я связался с Эдом.

— Яковлев сообщил о незапланированном селекторе. Видимо, решил поболтать. Не пускай ко мне никого, я на время буду недоступен для этого мира.

— Понятно, — сухо ответил Эдуард. — Почему не связались со мной? Хрущёва должна была быть в курсе подобного.

— Потому что наш героический президент позвонил мне лично, чтобы я не смог отвертеться, и я не удивлюсь, если это было его спонтанное решение, — ответил я, подключаясь к селекторному совещанию. Экран монитора разделился на множество квадратов, в которых маячили морды чиновников на фоне кабинетов. — Наумов, Государственная Служба Безопасности, — сказал я чётко, обозначая себя, одновременно отключая связь с Эдом.

— Ну, раз мы все в сборе, пожалуй, начнём, — заявил Яковлев и сделал знак секретарю этого сборища, чтобы тот начал освещать вопросы, которые президент хотел обсудить с главами государственных ведомств.

Совещание в итоге затянулось. Яковлева было просто не заткнуть. Все даже ели во время очередного отчёта, стараясь сильно не чавкать, а если и отлучались по совершенно неотложным делам, то очень ненадолго. Когда президент отключился, за окном уже начало темнеть.

— Я думал, это никогда не закончится, — простонал начальник Внутренних дел. — Дмитрий Александрович, у вас завтра найдётся минутка, нужно пару тем обсудить.

— Да, конечно. Вы сможете ко мне приехать, или лучше я к вам? — спросил я, потирая затёкшую шею.

— Лучше пообедаем в «Радости волка», я как раз столик там заказал, — ответил он, и я кивнул, отключаясь.

Поднявшись, я потянулся к пиджаку, который снял и повесил на спинку кресла во время этого бесконечного совещания, когда дверь приоткрылась, и в мой кабинет вошла невысокая фигуристая девушка в строгой юбке чуть выше колен и белой блузке. В руках она несла поднос с какими-то чашками.

— Дмитрий Александрович, я так и знала, что могу вас здесь застать так поздно. Вы же позволите? — проворковала она, приближаясь к моему столу.

Роман сунул пистолет в кобуру и подошёл к столу. Под ногами хрустело стекло, а звук сирены действовал на нервы. Крутанув кресло так, чтобы сидевший в нём человек повернулся к нему лицом, Гаранин довольно равнодушно посмотрел на расплывающееся по белой рубашке кровавое пятно.

— И зачем ты это сделал, Гюнтер? — спросил он, не надеясь услышать ответ от мертвеца. — В такие минуты я начинаю жалеть, что не являюсь Тёмным, потому что ты так и не ответил на один мой вопрос, — с досадой проговорил он и, тихонько застонав, схватился за бок. Под

курткой было мокро, а кровь уже начала сворачиваться, приклеивая к ране рубашку. — Да что ж такое? Почему меня всегда ранят в этот бок?

Рана была поверхностная. Всё-таки Рокотов его натренировал в своё время так, что он сумел увернуться от пули, и та только чиркнула его по коже, пробив кожу куртки на правом боку. Меньше года назад ранение, полученное почти в таких же условиях, стало для него практически смертельным.

Рома быстро выдвинул все ящики стола, поморщился и принялся обыскивать труп главы Гильдии убийц Фландрии. Ему нужен был ключ от сейфа, потому что он всё ещё пытался выйти на заказчика, и расследование привело его в итоге сюда. Как он понял, это дело было местной Гильдии, но они по какой-то непонятной для него причине решили подставить именно главу Российской Гильдии. И на этот вопрос ни глава Гильдии убийц Фландрии, ни его ближайшие замы так ему и не ответили, решив вместо этого собственноручно прикончить Гаранина, лишив того возможности как следует их допросить.

Фландрийская Гильдия была защищена хуже, чем его. К тому же здесь не было ни одного мага, что не могло не сказаться на результативности. Он специально выбрал вечер, чтобы прийти сюда. Рома прекрасно знал, что Гюнтер заканчивал работать иногда и глубокой ночью, но никто не заставлял так сильно задерживаться гражданских служащих: бухгалтеров, отдел кадров, юристов... Рома усмехнулся, доставая ключ и подходя к сейфу.

— Я никогда не скажу Диме, что выбрал это время, чтобы избежать побочных жертв. Хотя я вообще ему не расскажу про эту вылазку. Зачем ему знать такие грязные подробности? — пробормотал он, открывая сейф.

Бумаг было много. Он не стал их разбирать, а просто свалил все в коробку. Он её вытащил из шкафа и попросту вытряхнул содержимое на пол, даже не пытаясь разобраться в ведомостях, которые были в ней.

В сейфе нашлось также немного денег и несколько артефактов. Немного подумав, Гаранин забрал всё: наличные всегда могли пригодиться, да и с артефактами надо было разобраться. Он уже двинулся к двери, когда зазвонил телефон.

— Гаранин, — прошипел Роман в трубку, усмехнувшись, увидев высветившийся номер.

— Рома, так мы можем встретиться и поговорить? — голос бывшей невесты вызывал отторжение, но внезапно он поймал себя на мысли, что ему нужны гарантии безопасности. Возможно, если он сейчас переступит через себя, то сумеет выбраться из этой заварухи живым?

— Я ранен, но ты права, вот именно сейчас мне нужна помощь, — сказал он, подняв коробку с бумагами и снова тихонько застонав, когда потревоженная рана запульсировала. Нет, Рома мог сдержаться, но зачем это делать, когда сам только что сообщил о своём ранении. — Ты можешь ко мне приехать?

— Я? К тебе? — по голосу Анны слышалось, что она сильно растерялась.

— Только не говори мне, что вы не знаете, где я остановился, — Рома вытащил из кармана артефакт императора Владимира и принялся делать портал в свою берлогу.

— Знаем, — через короткую паузу ответила Анна. — Хорошо, я скоро буду. Постарайся за это время не сдохнуть.

— Я тоже тебя люблю, дорогая, — прошептал Рома, отключая связь. — Ну вот и поговорим. Может быть, ты сейчас скажешь, что тебе от меня всё ещё надо.

И он активировал артефакт, перемещаясь в свою крохотную квартирку.

Глава 3

Девушка поставила поднос на стол и зачерпнула ложкой какое-то варенье из чашки.

— Ну же, попробуйте, Дмитрий Александрович, это очень вкусно, — и она протянула мне ложку.

— Я не люблю сладкое и вообще, кто вы та... — я не договорил, потому что девице надоело ждать, и она вскарабкалась на стол, а я внезапно её узнал. — Ксения Анатольевна, что вы творите? И почему так выглядите? Вы же сами на себя не похожи! — выкрикнув последнюю фразу, я начал откатываться от стола вместе с креслом, но практически сразу упёрся спинкой в стену. И кто надоумил Эда именно так расположить этот проклятый стол?!

— О, мне пришлось ради вас сменить имидж, — проворковала Фролова, подползая ко мне. — Мне показалось, что именно такой стиль слегка развратной секретарши вам нравится больше всего. Попросила у Ванды её запасную одежду. По-моему, она слегка расстроилась, когда всё на мне сошло как положено.

— Ксения Анатольевна, прекратите! — я внезапно с ужасом осознал, что мой голос прозвучал несколько выше обычного, и это выглядело очень жалко. — Что на вас нашло?

— Я наконец-то решилась на то, чтобы потребовать премию в виде одной ночи. Всего одна ночь, ну что вам стоит, — она придвинулась ещё ближе, и я вжался в спинку кресла. — Я вами восхищаюсь. Никто никогда не скажет, что за этой ангельской внешностью может скрываться такое изощрённое коварство и такие страшные садистские наклонности.

— О чём вы говорите? — я попытался вскочить, но Фролова не дала этого сделать, положив руку мне на грудь.

— Я говорю о том, что никто в вашем окружении не сможет даже приблизиться к вам. Они всего лишь могут убить своих врагов, вы же предпочитаете предавать их мучительной и долгой смерти на каторге, — с придыханием проговорила внезапно сошедшая с ума судмедэксперт. — Ваша бесчеловечность не знает границ, это так сексуально...

— Ксения Анатольевна, я женат, — напомнил я ей, но она только отмахнулась от моих слов.

— Ну и что? Я же не прошу вас на мне жениться, — она подалась вперёд ещё больше. — Мне это совершенно не нужно, и узами брака я себя связывать пока не собираюсь даже с таким человеком, как вы. Я прошу всего лишь небольшую премию в виде единичной близости.

— Ещё раз: я женат и люблю свою жену...

— Дмитрий Александрович, любите вы кого хотите, — она улыбнулась. — Какое отношение какая-то там любовь имеет к тому, что я у вас прошу?

— Ксения Анатольевна, вы немедленно...

Договорить я не успел, потому что в этот самый момент дверь распахнулась.

— Дмитрий Александрович, что сегодня происходит в нашем ведомстве? — с порога начал говорить Довлатов, и я даже позволил себе выдохнуть с облегчением. Ну наконец-то меня хоть кто-то спасёт из этой щекотливой и неоднозначной ситуации. — Что тут у вас происходит?

— Ксения Анатольевна сошла с ума, разве ты не видишь? — процедил я сквозь зубы, одновременно широко улыбаясь Фроловой. Где-то я слышал, что с сумасшедшими всегда нужно соглашаться и улыбаться, вот и решил применить эти знания на практике. — Денис, помоги мне, сними её отсюда.

— Ну-у-у, — протянул Довлатов и сделал шаг назад. — Я не могу этого сделать по нескольким причинам: во-первых, я женат и люблю свою жену...

— Я не прошу тебя жениться на госпоже Фроловой, а просто убрать её отсюда! — рявкнул я, и только сейчас Ксения недоумённо повернула голову, чтобы посмотреть, кто же такой храбрый ей мешает получить заслуженную, на её взгляд, премию. При этом она смерила Довлатова таким взглядом, что тот снова попятился.

— Из этого следует, во-вторых, Дмитрий Александрович, — зачастил этот гад, а я внезапно понял, почему семейство Довлатовых всегда держалось в стороне и ни на шаг не приближалось к трону. — Я не могу стаскивать Ксению Анатольевну со стола, потому что это может быть принято за сексуальное домогательство. И я не смогу оправдаться ни перед одним судом, а самое главное, я не смогу оправдаться перед своей женой.

— Трус, — прошипел я, вжимаясь в стену ещё сильнее.

— Да, я трус, и горжусь этим, — Довлатов подумал немного и добавил: — Если разобраться, то трусость вовсе не порок, а базовая составляющая инстинктов самосохранения.

— У людей нет инстинктов, — Фролова ненадолго ослабила свой натиск, прислушиваясь к нашему разговору.

— Это не столь уж и важно, не так ли? Но, что бы здесь ни творилось, я сумел раскрыть сегодня два висяка, потому что подозреваемые выложили мне всё до мельчайших подробностей. А ведь я приглашал их всего лишь как второстепенных свидетелей, — этот гад уже допятился до двери. — Вам не проще попробовать то, что так настойчиво пытается вам скормить Ксения Анатольевна?

— Нет, не проще, потому что, боюсь, она на этом не остановится, — протянул я, а Фролова так улыбнулась, что сразу стало понятно — я был прав в своём предположении. Довлатов же протянул руку, чтобы открыть дверь, но она в этот момент сама распахнулась, и в кабинет вошла выглядевшая немного дезориентированной Лена.

— Дима, Эдуарда нет на месте, и я не знала, занят ли ты или нет, но звонил Рома и просил тебе передать... — и тут её взгляд остановился на Фроловой, всё ещё сидевшей на столе. — Я вижу, ты всё-таки занят. Очень-очень занят, — её глаза сверкнули. — Интересно. Ты всегда так занимательно проводишь время, когда задерживаешься? И, кстати, кто это? Новая секретарша? Решил не разбивать стереотипы?

— Дорогая, это совсем не то, о чём ты подумала, — я попытался отодвинуть Ксению, чтобы выбраться наконец из этой ловушки, но сделать это оказалось не так уж и просто, потому что наш судмедэксперт начал отчаянно сопротивляться. При этом она умудрилась повернуть голову в сторону моей жены и проворковать.

— О нет, дорогая, это как раз то, о чём ты подумала, — она соскочила со стола и подошла к Лене. — Никогда не могла понять, чем такая серая мышка могла привлечь его.

— Она лошадей объезжает, — встрял Довлатов, и тут же отступил под моим яростным взглядом.

— А, так значит, мышка полна сюрпризов? — Фролова прошла по хрупкой фигурке моей жены пренебрежительным взглядом.

Лена не ответила, а без замаха влепила ей оплеуху. Рука у неё тяжёлая, я по себе знаю, поэтому неудивительно, что Ксению слегка развернуло, и она покачнулась на своих огромных шпильках.

— Полагаю, ты всё-таки не в его вкусе, иначе Дима женился бы на этой корове — Рубел, — ядовито прошипела Лена, но тут уж Фролова не сдержалась и схватила её за волосы, дёрнув на себя.

— Я тебе сейчас покажу корову, стерва крашенная!

Лена не стала стоять и ждать, когда её оставят без скальпа, а выкинула вперёд руку, вцепившись Фроловой в горло.

— Денис, мать твою! Да будь же ты человеком, помоги мне их разнять! — я бросился к совершенно сошедшим с ума женщинам, но Довлатов очень ловко обхватил меня за талию, не давая к ним приблизиться.

— Ни за что, и вам не позволю. Никогда не следует вмешиваться в женскую драку. Я не хочу потерять начальника в такой странный день. К тому же я трус, вы не забыли? — он, пыхтя, отгаскивал меня в сторону. — И горжусь этим.

Фролова тем временем схватила Лену за ворот блузки и дёрнула на себя. Раздался треск, приглушённая ругань, и вот уже Лена ухватила Ксению за волосы, заставляя наклонить голову.

— Денис, отпусти меня, это приказ! — заорал я, рванувшись.

— Ни за что, это небезопасно, — ответил он, продолжая удерживать. Давалось ему это с трудом, всё-таки подготовлен я был на порядок выше, чем Довлатов. И только то, что я не применял силу, позволяло ему пока со мной справляться.

Лена тем временем заломила руку Фроловой, взяв её на болевой, но наш судмедэксперт успела перехватить свободной рукой тяжёлую подставку со стола и занесла её над Лениной головой. Я рванулся так отчаянно, что Довлатов не сумел меня удержать, и мы рухнули на пол. А дверь в этот момент снова распахнулась, и на пороге возник Эдуард. Окинув пристальным взглядом представшую перед ним картину, он прислонился к косяку, скрестив руки на груди и невозмутимо произнёс:

— Кажется, я не вовремя. Но вы продолжайте, не стесняйтесь. Только, хочу отметить несколько моментов: если вы, Ксения Анатольевна, сейчас ударите этой тяжёлой, даже на глаз, штукой жену начальника СБ, то я вынужден буду составить рапорт и привлечь вас к дисциплинарному расследованию. А если вы, Елена Павловна, сейчас сломаете руку сотруднику СБ, то я вынужден буду обратиться к Ахметовой, а Дмитрию Александровичу предстоит заполнить собственноручно массу формуляров, а это очень утомительно, на самом деле. И это ещё не учитывая тот момент, что мы вынуждены будем оплатить компенсацию по производственной травме.

— Эд! Помоги их разнять! — заорал я, барахтаясь на полу, потому что Довлатов мешал мне подняться.

— А зачем? — Великий Князь пожал плечами. — Не каждый день увидишь здесь такое восхитительное зрелище. Неужели я так и не смог привить тебе чувство прекрасного, и ты не можешь просто наслаждаться борьбой двух очаровательных женщин? Здесь даже больше экспрессии, чем в той потасовке в захолустном баре с участием Киры. Ну, ты должен помнить, — улыбнулся он, глядя на меня насмешливым взглядом.

Бздынь! Подставка упала на пол, а Ксения, вырвавшись из захвата, развернулась и снова схватила Лену за волосы.

Плюх! На дерущихся женщин полился водный поток, заставивший нас с Денисом отползти немного в сторону. Взвизгнув, Лена с Ксенией отскочили друг от друга, а между ними встала Ванда, сжимающая в руке пустую вазу. Фролова окинула её злобным взглядом, снимая с головы алую розу, которая, как назло, запуталась колючками в её пышных волосах.

— Вот подобные методы всегда работают безотказно, — резюмировал Эдуард.

— Успокойтесь, быстро! — рявкнула Ванда, развернувшись ко мне. — Что за дичь творится в нашем СБ?!

— Кстати, насчёт дичи, — Эд опустил скрещённые руки, отлепился от косяка и подошёл ко мне, протягивая руку, чтобы помочь подняться. — Тебе нужно это увидеть собственными глазами. Ванда, за нами, — коротко приказал он и посмотрел на Довлатова. — Денис, разберись здесь. Проводи Ксению Анатольевну в её царство смерти, а Елену Павловну... ну, не знаю, чаем напои, — он на секунду задумался, а потом добавил: — С ромашкой. Да, именно так, чай должен быть обязательно с ромашкой.

— Да, но... — начал было Денис, но я его уже не слышал, выходя из кабинета следом за Эдом.

В приёмной было непривычно пусто и темно. Освещался только стол Эдуарда, и царивший полумрак внезапно показался мне очень зловещим.

Подойдя к двери, ведущей в коридор, я невольно прислушался, но, не услышав ничего криминального, распахнул её и замер на пороге, потому что прямо напротив меня стояли Бобров с Рокотовым, что-то выясняя между собой.

— Забери её из моего отдела, — яростно проговорил Андрей, ткнув Ваню пальцем в грудь. — Кира не дисциплинирована, своенравна и пытается оспорить любой мой приказ. Поэтому, не доводи до греха, просто убери её с глаз моих.

— Но тебе нужен огневик, — нахмурился Рокотов.

— Мне нужен прежде всего грамотный оперативник, — парировал Бобров. — А не избалованная дочка богатых родителей, которая если и заглядывает кому-то в рот, так это тебе, а меня, своего непосредственного начальника, не ставит ни в... — он не договорил, только выдохнул сквозь стиснутые зубы. — В конце концов, она не единственный огневик в СБ. Полянского заберу. Всё равно Гаранин уже не вернётся, ему секретарь больше не к чему.

— Андрей, — глаза Вани сверкнули. — Если будешь хоронить этого мальчишку раньше времени, я тебе шею сверну, — сказал он так спокойно, что у меня волосы на затылке дыбом встали. — Киру я заберу, не беспокойся, она больше не будет тебе глаза мозолить.

— Ну вот и славно, — Бобров сделал шаг назад. — Мне Хрущёвой хватает с её странными намёками и почти маниакальным желанием заманить меня на ужин.

— Так согласись, — хмыкнул Рокотов.

— Я соглашусь только в тот момент, когда буду точно знать, что на этом ужине не стану главным блюдом нашей очаровательной вампирши, — процедил Бобров и двинулся по коридору к оперативному отделу, чеканя шаг.

— Как интересно, — тихо пробормотал Эд, глядя ему вслед. — Хрущёва и наш неподкупный вояка? Чудны дела твои, Прекраснейшая.

Я покосился на него и вышел в коридор, направляясь к лестнице, чтобы спуститься на второй этаж, откуда до нас донёсся подозрительный шум. Шум становился всё громче, и я даже не понял, как перешёл на бег, перепрыгивая через две ступеньки.

В коридоре стоял плохо управляемый хаос. От той тишины, на которую я обратил внимание в середине рабочего дня, не осталось и следа. Сотрудники высыпали из своих кабинетов и громко выясняли друг с другом отношения. То тут, то там вспыхивали драки. Вопли, раздающиеся со всех сторон, смешались в сплошную какофонию звуков, и мне было не совсем понятно, как спорщики вообще различают то, что говорят их оппоненты. Хотя, многие, как мне показалось, никого не слушали, стараясь перекричать друг друга, считая свои обвинения и претензии более весомыми и существенными.

Возле лестницы, ведущей на первый этаж, расположился Чижов, презрительно глядя на стоявшего напротив него Гаврилова. Бывший Ромкин зам в свою очередь окидывал молодого волка неприязненным взглядом.

— Я до сих пор не понимаю, почему мы обязаны нянчиться с какими-то уголовниками, — наконец процедил Чижов. — Кто вы вообще такие? И что сделали с Рокотовым, раз он настолько сошёл с ума, что решил дать вам ещё один, предпоследний шанс.

— Знаешь что, заносчивое хамло, — Гаврилов сделал шаг вперёд, приблизившись к Чижову. — Лично тебя никто не заставляет с нами нянчиться! То, что вы считаетесь воинской элитой, не даёт вам права вести себя как напыщенное снобское дерьмо.

— Что ты только что сказал? — Чижов сжал кулаки и в свою очередь сделал шаг в сторону бывшего наёмного убийцы. — Повторить не хочешь?

— Очень хочу, — Гаврилов оскалился, и его рука легла на рукоять ножа.

Ванда пискнула у меня за спиной, протиснулась между мной и нахмурившимся Эдом и бросилась к ним. Потому что драка девочек из отдела кадров — это в какой-то степени даже пикантно, а вот драка элитных бойцов ни к чему хорошему совершенно точно привести не может.

— Саша, Миша, что на вас нашло? — она попыталась встать между ними, но Гаврилов схватил её за руку и легко оттолкнул в сторону.

— Не вмешивайся...

— Чижов, Гаврилов, брейк! — рядом с ними материализовался Рокотов. Я даже не заметил, с какой стороны он подошёл. — Ещё раз увижу нечто подобное, на пару будете месяц сортиры драить, и видят боги, я этого очень сильно хочу. Потому что вы, бараны, меня уже до печёнок достали!

Дослушивать вполне заслуженную порку я не стал и резко открыл дверь в финотдел. Реакция Эдуарда оказалась просто феноменальной. Он выхватил летящий степлер прямо из воздуха за секунду до того момента, как тот ударил меня в лицо. Вокруг стоял невообразимый шум. Я даже не пытался разобраться, что мои финансисты друг другу предьявляют. Они набрасывались друг на друга с яростью берсерков с перекошенными лицами и сбитыми на бок галстуками.

— Это я погорячился, когда думал, что драка между силовиками может привести к катастрофе, — пробормотал я, закрывая дверь и поворачиваясь к Эду.

Ванда стояла сбоку, кусала губы, поглядывая вокруг, и, как мне показалось, разрывалась от двух противоречивых желаний: забиться куда-нибудь в угол и пореветь, и схватить огнемёт и сжечь здесь всё к чёртовой бабушке вместе с сотрудниками.

— Кто бы мог подумать, правда? — вкрадчиво проворковал Эдуард и улыбнулся.

— Так, кто в этом дурдоме не сошёл с ума? — спросил я, переводя взгляд с Эда на Ванду и обратно.

— Тёмные, — решительно ответил Великий Князь. — Насчёт Демидова не уверен. Лео всегда себе на уме. И Ванда, но здесь, скорее всего, работает ожерелье, потому что вот это всё, — он обвёл рукой вокруг себя, — явно какое-то ментальное воздействие высшего порядка, да ещё и массовое. Но, знаешь, напрямую оно вреда никому из сотрудников не несёт, пока, по крайней мере. Не могу определить источник, но это вряд ли атака на СБ извне.

— Ещё Ольга, — добавила Ванда, потёрла лоб и нервно хихикнула. — Но она, как и Лео, очень странная, может быть, я просто не заметила, что она стала ещё страннее.

— У неё моё кольцо, наполненное моей энергией, — неохотно пояснил Эд. — Думаю, дело в этом. Она его в последнее время вообще не снимает, даже когда душ принимает.

— Тебе виднее, — я потёр шею. — Что-нибудь ещё?

— Да, — Ванда на мгновение задумалась, а потом выпалила: — В научном отделе тихо. То есть, оттуда не слышно ни единого звука. И это, в текущей обстановке, не может не насторожить. Я боюсь, как бы они не поубивали друг друга, опыт у некоторых всё же имеется.

— Да, ты права, — я снова потёр шею. — Вот что... — закончить я не успел, потому что меня прервал пронзительный звук телефонного звонка, прозвучавший очень громко в наступившей на мгновение тишине. Вытащив его и посмотрев на дисплей, я поморщился. Ему-то что от меня надо? — Слушаю вас, Артур Гаврилович.

— Я звоню, чтобы поздравить вас и Эдуарда Казимировича, — сразу же ответил Гомельский. — Ну и Романа Георгиевича, конечно. Вот только, до Романа Георгиевича я не смог дозвониться, но это не удивительно. Удивительно то, что я не смог дозвониться до его высочества. Поэтому звоню вам, чтобы поздравить с появлением наследника, истинного Лаз...

— Так, стоп, — прервал я его, ощутив, как по спине побежали полчища мурашек. — Не слишком ли откровенно, Артур Гаврилович?

— О, я с трудом сдерживался с того самого момента, как открыл Родовую книгу. Но сейчас меня настолько переполняют чувства, что я с удовольствием всё выскажу вам, Дмитрий Александрович. Прямо в лицо! Это же надо быть настолько безответственным человеком, чтобы до сих пор не выполнить свой долг перед Семьёй! Почему у вас до сих пор нет сына?

— Мы уже обсуждали этот вопрос, — говоря это, я смотрел на Эда. Похоже, для него откровения Гомельского тоже будут сюрпризом.

— Так где сейчас находится Эдуард Казимирович? Я уже говорил, что хочу поздравить его лично и уточнить несколько очень важных деталей. Его высочество...

— Артур Гаврилович, — быстро перебил я поверенного, — а где вы сейчас находитесь?

— Как это где? Внизу, возле охраны. Жду, когда два весьма решительно настроенных молодых человека выяснят отношения.

Я почувствовал, как краска отхлынула от лица. То есть, этот... этот... Гомельский! Стоит сейчас в холле СБ и почти орёт про высочество и всё остальное? Да что, вашу мать, здесь творится?!

— Эд, быстро вниз. Убери оттуда Гомельского, пока он не растрепал про нас правду всем, кто его захочет послушать. Похоже, его очень угнетает тот факт, что он обязан хранить всё это в секрете, и сейчас он намерен оторваться по полной, — скороговоркой проговорил я, выключая телефон. Эд уставился на меня, затем рыкнул что-то нечленораздельное и помчался к лестнице, на ходу отшвыривая неразумных, оказавшихся у него на пути.

— Что случилось? — почему-то шёпотом спросила Ванда.

— Надеюсь, Эд заткнёт рот Гомельском у прежде, чем тот приветствует его как Великого Князя. Мы и так с трудом удерживаем личность Эдуарда в секрете, а тут... — я махнул рукой. — Так, ладно. Иди в научный отдел и задержи Медведеву. Разрешаю применить силу и добить всех, кто ещё остался жив. Возьми с собой Лео, если, как вы говорите, он не поддастся этому странному влиянию. Демидов всё же маг и довольно неслабый, так что сумеет утихомирить наших сотрудников, если кто-то решит на тебя броситься. А я пойду кое-кому объясню, что не стоит утаивать такие новости, — добавил я тихо.

— Может быть, пойдём в научный отдел вместе? — спросила Ванда. — В СБ творится какая-то чертовщина, а ты собираешься отлучиться.

— Этот вопрос касается моей Семьи, — я потёр шею. — Он не займёт много времени, но прояснить я его должен прямо сейчас, потому что в противном случае Ольга может повести себя неправильно, а Эд сделает что-нибудь, о чём будет жалеть всю оставшуюся жизнь. И какие долбанутые на всю голову черти притащили Гомельского сюда именно сейчас?! — и я саданул кулаком по стене, а потом развернулся и почти бегом побежал в сторону Ромкиной приёмной.

Роман открыл дверь в свою маленькую съёмную квартиру и посторонился, пропуская Анну. Войдя следом за ней, он захлопнул дверь и прислонился к ней затылком, одновременно призывая дар. На рану словно кислотой плеснули, и Рома не выдержал и еле слышно застонал. Но он заставил себя не обращать внимания на неудобство и закончил наложение сложнейших чар, прежде чем позволить себе отпустить дар и на мгновение прикрыть глаза.

Но Анна пристально смотрела на него, поэтому расслабляться не стоило, и Роман распахнул глаза, отрываясь от двери и проходя мимо неё в единственную комнату, бывшую для него и гостиной, и спальней, и кухней. Сняв куртку, он бросил её на кресло и стянул через голову рубашку. К счастью, кровь не успела засохнуть, и отдирая ткань от раны не пришлось.

— Где у тебя здесь бинты и антисептики? — резче, чем было необходимо, спросила Анна, подходя к шкафу на условной кухне.

— В банке, на которой написано «корица», — усмехнулся Рома, разглядывая довольно глубокий порез. Сейчас рана сильно зудилась, и он с трудом сдерживался, чтобы не почесать её.

— Ты всегда отличался оригинальностью, — пробормотала его бывшая невеста и подошла к нему с пресловутой банкой. — Не хочешь к целителю обратиться?

— Нет, не хочу, — буднично ответил Гаранин. — Она получена при противозаконных действиях с моей стороны, и было бы глупо попасться в лапы твоего муженька из-за какой-то царапины.

— Не хочешь поделиться подробностями? — довольно равнодушно спросила Анна.

— Нет, не хочу, — повторил Рома и оскалился.

Анна только пожала плечами и принялась отмывать кровь. Когда рана очистилась, она с недоумением посмотрела на него.

— Ты получил ранение не сегодня? — спросила она, глядя на свежий ещё красный шрам. — Откуда такая регенерация?

— Я попал в Род Наумова по праву крови, — Рома с удовлетворением осмотрел ранение, быстро прошёл к шкафу, выдернул с полки первую попавшуюся футболку и натянул её, скрывая от пристального взгляда женщины своё полуобнажённое тело. — Это оказалось очень выгодно во всех смыслах. И раны на мне сейчас заживают только чуть медленнее, чем на главе моего Рода, и я перестал нуждаться в тебе, как в эмпатике. Ну разве не чудесно? Единственное, о чём я буду жалеть весь остаток жизни, что не пришёл к Диме раньше. Тогда можно было бы многих проблем избежать.

— А разве Наумовы сильные маги? — Анна нахмурилась. Она прекрасно знала родословные почти всех значимых Родов и никогда не слышала, что Наумовы были кем-то большим, чем слабенькие эрилы.

— Наумовы, может быть, и нет, а вот Пастели... — И Рома рассмеялся, увидев изумление на её лице. — Аня-Аня, ну как же так? Ведь ни Александр Наумов, ни сам Дима никогда не скрывали факта усыновления. Да и фамилия старшего брата Димы — Пастель. Неужели люди до такой степени слепы и глухи? Впрочем, неважно. О чём ты хотела со мной поговорить?

— Я хотела... — Анна бросила испачканные кровью бинты в мусорное ведро. Рома проводил этот комок тяжёлым взглядом и снова сосредоточился на ней. — Я хотела у тебя спросить, где мои деньги, гад?! После того, как во Фландрии поразвлекались поверенные Наумова, я осталась почти без средств к существованию!

— Понятия не имею, где именно твои деньги, — Рома сел в кресло и потёр ноющий шрам. — Где-то на моих счетах, или счетах Димы, я не интересовался.

— Тебя не волнует, что происходит с твоими деньгами? — Анна продолжала стоять перед ним, скрестив руки на груди.

— Не особо, — Гаранин пожал плечами. — Виктор знает, что ты здесь?

— Нет, — она покачала головой.

— Врёшь, — уверенно произнёс Рома, с удовлетворением отмечая, что его дар даже на эмпатиков распространяется. — Очень хорошо, что он знает. Мне необходимы некоторые гарантии, чтобы Витенька глупостей не наделал. Так что, располагайся, боюсь, тебе придётся здесь немного задержаться.

Глава 4

В приёмной у Гаранина стояла тишина. Оба секретаря находились на своих местах, и это было как минимум удивительно, потому что Полянский не слишком любил задерживаться на работе. Точнее, он бы, может быть, и задержался бы, но его драгоценная супруга не давала ему забывать, кто в их доме хозяин, так что ровно в шесть он обычно вставал, убирал документы в сейф и уходил.

Исключением были только различные чрезвычайные ситуации, но в этом случае дежурные уведомляли родственников, что сотрудники не вернутся вовремя домой, и Денису не приходилось объясняться с Лизой. Вообще, мне даже на мгновение показалось, что Полянский сильно расстроился, когда кризис с вирусом разрешился, и всех отпустили по домам отдыхать.

Сейчас же он сидел на своём месте и наблюдал за Ольгой, которая ела какую-то странную лапшу из бумажной коробки.

— Не понимаю, как ты можешь есть эту дрянь? — задумчиво проговорил Полянский в тот самый момент, когда я вошёл в приёмную.

— Мне захотелось именно эту быстрорастворимую лапшу с острой приправой, — меланхолично ответила ему Ольга. — Прямо до боли захотелось. Я даже в магазин не поленилась сбегать, чтобы её купить.

— Я помню этот момент, — хмыкнул Денис. — Ты сорвалась с места с криком: «Я сдохну, если чего-нибудь не съем», и выбежала из приёмной, оставив рабочее место.

— Наш рабочий день закончился, так что не драматизируй, — фыркнула Орлова. — Лично я не могу понять только одного: ты какого гриба здесь сидишь? Тебе домой не пора? Жена уже четыре раза звонила, и то, что ты наговорил ей в последний раз, заставляет меня сомневаться в том, что ты завтра вообще сможешь прийти на работу. Что на тебя нашло?

— Не знаю, — Полянский пожал плечами. — Я впервые высказал всё, что думаю, и, знаешь, мне полегчало. К тому же, с женой я как-нибудь справлюсь.

— То есть, ты внезапно, из-за охватившего СБ сумасшествия, забыл, что Лизонька — малефик? — проворковал я, привлекая к себе внимание.

— А-а-а, — протянул Полянский, на мгновение задумавшись. — Ну-у-у. А-а-а! Вашу мать, я — труп! — заорал он, вскочив со своего места и начав судорожно убирать в сейф документы. — Наумов, ты сволочь! — он ткнул мне в грудь пальцем и выскочил из приёмной, оставив нас с Ольгой наедине.

— Никакой креативности. Как был у него в детстве ограниченный словарный запас, так с того времени ничего не изменилось, — высказавшись, я повернулся к Ольге, не прекращающей жевать свою лапшу, даже на вид такую острую, что у меня в носу запершило.

— Он её любит, — вздохнув, сказала Орлова. — Несмотря ни на что, он её очень сильно любит, и сына тоже.

— Так я и не спорю, — я подошёл к столу, внимательно осматривая её. — Полянский не стал бы терпеть, поверь. Он бросил бы Лизу уже давно, если бы точно знал, что сможет без неё жить. Как же пафосно это прозвучало, — усмехнувшись, я опёрся руками на стол и наклонился к Ольге. — Даже самому противно стало. Стоп, у Полянского есть сын?

— Недавно родился, странно, что вы об этом не знаете, — она пожалала плечами. — Вам что-то нужно, Дмитрий Александрович? — спросила она, нахмурившись, глядя на меня снизу вверх.

— Сними кольцо, — тихо попросил я её.

— Зачем? — она перестала жевать и защитным жестом прикрыла перстень от моего пристального взгляда. — Я не могу его снять.

— Конечно же можешь, — я смотрел ей в глаза, жёстко улыбаясь. — Сними кольцо, не заставляй меня становиться грубым и применять силу.

— Но я не понимаю...

— Живо!

Она смотрела на меня как кролик на удава где-то с полминуты, а затем, всхлипнув, стянула перстень, от которого так сильно фонила силой Эда, что мне на мгновение показалось, что он вошёл в приёмную, призвав дар. Кольцо упало на стол, и я решительно забрал его, сунув в карман, отходя подальше, чтобы видеть Ольгу целиком. Она продолжала смотреть на меня с несчастным видом, а когда мой взгляд остановился на её животе, прижала к нему руки, и в её взгляде промелькнула откровенная паника.

— Ты вообще собиралась ему сообщать? — наконец спросил я её, чувствуя, как на меня начинает накатывать усталость. Это был какой-то бесконечный день, и не известно, когда он закончится.

— Нет, — Ольга покачала головой. — Я хотела уволиться, когда стало бы заметно, и уехать из страны.

— Оля, ты же знаешь, кто мы. Не можешь не знать, — я покачал головой. — Ты прекрасно знаешь, кто такой Эдуард, и даже можешь представить себе, что он с тобой сделает, если ты попытаешься осуществить свой безумный план. Полагаю, фантазии у тебя на это хватит. И ты не можешь не догадываться, что скрыть подобное у тебя не получилось бы, даже если бы ты на луну улетела. Почему ты ему не сказала?

— Ну, он же Эдуард, а я... — начала невнятно бормотать Ольга, опустив взгляд, но вдруг вскинула на меня яростно блеснувшие глаза. — Я не позволю вам забрать моего ребёнка. Я буду сопротивляться!

— А почему в твою очаровательную головку не пришла мысль о роскошной свадьбе? В конце концов, в этом случае Эд стал бы твоим навсегда, и тебя перестали бы мучить сомнения. Мы Тёмные, тут без вариантов, — я ещё раз вздохнул, увидев в её глазах протест и какую-то странную тоску. — Так, хорошо, — потеряв лоб, я бросил ей кольцо. — Надевай и подойди ко мне.

— Зачем? — глухо спросила Ольга, вцепившись в перстень, так удачно маскировавший её положение от наших взглядов. За его фоном мы с Эдом не замечали формирующийся источник ещё неродившегося Лазарева. И если бы Гомельский не решил проверить Родовую книгу, не слишком понятно, до чего эта ненормальная могла бы в итоге додуматься.

— Как это зачем? Убивать тебя буду, как глава Семьи, от которого скрыли такую важную информацию, — я усмехнулся и протянул руку.

— Вы меня не убьёте, — хмуро ответила Ольга, поднимаясь из-за стола. — Во всяком случае, до тех пор, пока мой ребёнок не родится.

— Ты права, — легко согласился я, доставая из кармана карандаш. — Я просто хочу тебе кое-что показать, чтобы ты поняла всю глубину своих рассуждений. Об этом не писалось ни в романах, ни в официальных хрониках, и знает о такой маленькой особенности Лазаревых очень малое количество ныне живущих. Даже Рома до недавнего времени не был в курсе.

— Вы собираетесь телепортироваться? — Ольга подошла ко мне, но руку так и не протянула. — Но это не опасно для моего малыша?

— Нет, — я покачал головой. — Именно этот ребёнок нормально перенесёт перемещение порталом. Он слишком хорошо защищён на божественном уровне, чтобы подвергаться такой опасности. Хочешь ты этого или нет, но Прекраснейшая очень ревностно относится к своим мальчикам и не позволит ему погибнуть от такой случайности.

— Даже я не знаю ещё, что это мальчик, а вам уже известно? — голос Ольги был глухим, и она даже не пыталась взять себя в руки. Но хоть истерик не закатывала, и на том спасибо.

— Женщин Тёмных не бывает, — я потёр лоб, а потом схватил её за руку. — Эд открыл доступ к телепортации из СБ только для Семьи и тебя. Наверное, догадывался или просто устал ночевать в твоей конуре и в скором времени хотел поставить в ваших странных отношениях точку, просто перетащив тебя к себе. Ты же ни разу не была в его квартире, насколько мне известно?

— Нет, — она покачала головой. — Я не думала, что с его стороны всё серьёзно. Просто радовалась и недоумевала, что он вообще обратил на меня внимание.

— Идиотка, — я на мгновение прикрыл глаза. — Хотя с его-то репутацией и с тем, как он себя вёл в прошлом, неудивительно, что ты так подумала. Приготовься. Сейчас мы переместимся в одно очень интересное место. Тебе понравится, — и активировал портал.

Мы переместились прямо в парк поместья. Ольга недоумённо оглядывалась по сторонам, в то время как я открывал дверь семейной часовни.

— Где мы? — почему-то шёпотом спросила она, подходя ко мне поближе.

— В нашем фамильном поместье, — ответил я, распахивая дверь и отходя в сторону. — Прощу.

— Что это за место? — Ольга с удивлением рассматривала Прекраснейшую, взиращую на нас с фрески. — Какая она красивая.

— Она богиня, — я подошёл к двери, ведущей в склеп. — Прекраснейшая из женщин. Идём со мной, — подтолкнув её к лестнице, я начал первым спускаться по довольно крутым ступеням.

— Что это? — Ольга вошла в поминальную залу и начала с любопытством осматриваться. Ну что за девушка? Тут даже мне становится слегка не по себе, а ей, похоже, действительно нравится. Что за помешанность на смерти? Должна же быть причина, её просто не может не быть.

— Семейный склеп, — пояснил я, подходя к стоящим рядом саркофагам. — Здесь хоронят Лазаревых после падения империи. До этого их хоронили в современном Президентском дворце. Интересно, наш президент знает, что находится в глубине парка? — и я жёстко усмехнулся. Впрочем, неважно. Тёмные крайне редко возвращаются, даже чтобы отомстить. Иногда я жалею об этом.

— Это что, Ромин? — вскрик Ольги заставил меня оставить странные мысли и подойти к ней.

— Да, — я провёл кончиками пальцев по надписи на саркофаге. — Когда он умрёт, его тело появится здесь, а через три дня саркофаг закроется, и он переместится в усыпальницу, — и я кивнул на стену, за которой и располагалось непосредственно последнее место упокоения Лазаревых.

— Но, как же так, — внезапно всхлипнула Ольга. — Я же ему гроб заказала. Красивый. Все свои сбережения на него потратила!

— Подарим кому-нибудь, — я улыбнулся и погладил её по голове. — Да, счёт Гомельскому вышли. Я распорядюсь, чтобы тебе содержание выделили.

— Нет! — Ольга отшатнулась от меня. — Зачем? Ничего такого не нужно...

— Нужно, — я обхватил её за плечи и подтолкнул к следующему саркофагу.

— «Постель-Лазарев», — прочитала Ольга и подняла на меня недоумённый взгляд. — Я не понимаю. Здесь нет имени и даже даты рождения. И как это относится к безумной идее платить мне?

— Напрямую. Это саркофаг твоего сына, — ответил я довольно жёстко. — Вы с Эдом поженитесь, и это не обсуждается. А жене Лазарева положено содержание. И, ради Прекраснейшей, трать эти деньги! Хоть немного, а то у меня голова болит, когда Гомельский мне высказывает, что наши женщины совершенно не хотят соответствовать своему статусу. Он и так ставит вас с Эдом мне в пример, так что не огорчай нашего Артура Гавриловича.

В ответ Ольга закрыла лицо руками и разрыдалась. Я недоумённо посмотрел на неё, а затем притянул к себе, прижав её лицо к своему плечу и поглаживая по вздрагивающим плечам.

— Я не могу выйти за него. Я никто, а он... — с трудом различал я между всхлипами.

— Оля, ты знала, с кем спала! — Отодвинув её от себя, я посмотрел ей в глаза. Она выглядела такой несчастной в этот момент. — Зачем ты это делала, если Эд тебе настолько противен, что ты в истерику впадаешь от одной мысли о замужестве?

— Как он может быть кому-то противен? — она даже рыдать перестала и икнула. — Я люблю его и не хочу портить ему жизнь! А вы же приказ ему хотите отдать, чтобы он женился на мне. И он не сможет не подчиниться, но будет меня ненавидеть всю оставшуюся жизнь.

— М-да, тяжёлый случай, — я продолжал держать её за плечи. — Поверь, мне не придётся приказывать, а вот тебе предстоит услышать много нового и безусловно интересного о твоих умственных способностях. Эд обычно не скупится на оскорбления, так что готовься. Вопрос только в том, сумеет ли Гомельский его продавить на роскошную свадьбу, или Эд уже сегодня тебя в мэрию потащит.

— Мэрия сегодня уже закрыта, — Ольга снова всхлипнула. Похоже, она всё ещё до конца не осознала, во что вляпалась.

— Ну тогда у Артура Гавриловича появился шанс, — я отпустил её и подошёл к своему саркофагу. — О чём они только думали? Чтобы живые не расслаблялись и всегда помнили о тщетности бытия? Моя Семья состояла из конченных извращенцев, я постоянно в этом убеждаюсь. Идём обратно? — я повернулся к Ольге. — Тебе серьёзный разговор с Эдуардом ещё предстоит, но только после того, как мы с чертовщиной в СБ разберёмся.

— Почему он так расположен? — она тёрла лоб, видимо, пытаясь думать о чём угодно, только не о перспективах будущего замужества. — Саркофаг моего сына стоит прямо за вашим, потом идёт Ромин, и только потом Эда. Разве Ромин не должен стоять последним?

— Это порядок наследования, — я пробежался взглядом по этим роскошным гробам. — Твой сын сразу же, как только появится на свет, автоматически станет моим наследником. До недавнего времени им был Ромка. И мы здесь ничего не решаем, таковы правила, установленные Прекраснейшей. Эд же отказался от своего права наследования чего бы то ни было, так что его гроб всегда будет в конце.

— Он ещё не родился, а уже является наследником Лазаревых? — прошептала Ольга, инстинктивно прижав руки к животу, словно пытаясь защитить своё дитя. — А можно мне всё-таки...

— Нет, нельзя, — я схватил её за руку. — Пойдём в парк, отсюда нельзя телепортироваться.

Больше мы не сказали друг другу ни слова. Завтра надо будет сходить в Первый Имперский Банк, чтобы Гомельский популярно объяснил ей, в чём заключается её изменившееся положение. Да счета ей открыть. И это, как ни странно, моя обязанность. Эд не имеет права отдавать подобные распоряжения. Точно так же я сделаю, когда Ванда уже официально войдёт в нашу Семью. Точнее, если она в неё войдёт. И это «если» пугает меня до дрожи. Только бы всё обошлось, и этот придурок вернулся живым. Я сжал кулаки так, что чуть не сломал карандаш. Вовремя опомнившись, обхватил Ольгу за талию, рывком прижал к себе и активировал портал.

— Здесь есть кто живой? — спросила Ванда приглушённо, заходя в полутёмную комнату.

Это крыло на первом этаже будто вымерло, и она решила проверить все помещения по очереди, чтобы убедиться, что здесь действительно никого нет.

Двери, кроме одной, были закрыты, но разошлись сотрудники по домам или сейчас выясняли отношения с коллегами, сказать было затруднительно. Ванде было страшно. Неизвест-

ность пугала больше всего, а её сегодня было в избытке. О Роме она старалась не думать. Не сейчас, когда здесь творится какая-то чертовщина. Эдуард с Димой выглядели подозрительно спокойными, а ведь при ней уборщица чуть не забила шваброй одного из бывших Роминых ребят, который неосторожно прошёлся по только что помытому коридору. Когда Ванда наблюдала из-за угла за экзекуцией, не решаясь вмешаться, то поняла, что ещё немного, и у неё начнётся полноценная истерика.

— Я не понимаю, что происходит и почему я вообще до сих пор остаюсь здесь работать, — раздался спокойный голос Гертруды Фридриховны из небольшой комнаты, примыкающей к её кабинету, где она проводила свои сеансы с несчастными, попавшими в её руки. — Это странно и неправильно, да что уж тут говорить, меня это морально убивает.

Ванда приоткрыла тихонечко дверь и заглянула внутрь.

— Гертруда Фридриховна... — она замолчала, глядя, как их штатный психолог лежит расслабленно в специальном кресле, сложив на груди руки и закрыв глаза, и что-то говорит, не обращая на Ванду внимания. Прямо перед ней было установлено огромное зеркало, в котором Рерих отражалась целиком. В это зеркало психолог периодически поглядывала, не прекращая говорить.

— Я полностью согласна с вашим заключением, — произнесла Гертруда Фридриховна немного резче обычного. — Но Дмитрий Александрович слишком занят и ещё больше закрыт, а давить на него чревато. Как бы то ни было, но эта работа мне определённно нравится, — она откинулась на кресле и закрыла глаза.

— Похоже, сумасшествие у психоаналитиков приобретает гипертрофированные черты, — пробормотала Ванда, выскакивая из кабинета, чтобы Рерих её не, дай боги, не заметила.

Пробегая мимо кабинета отдела кадров, откуда доносилась такая ругань, что она невольно покраснела, Ванда влетела в кабинет Демидова.

— На первый взгляд, ты выглядишь вполне здоровым, — слабо улыбнулась Ванда, подходя к столу, за которым сидел Демидов.

— Этот мир явно сошёл с ума, — протянул Лео и провёл специальным утюжком по своим и без того гладким, блестящим волосам. — И мне страшно быть в нём практически единственным островком рациональности и адекватности.

— Что ты делаешь? — Ванда покосилась на его руку, остановившаяся на полпути и не решаясь подойти ближе.

— Как это что? Я наконец решил заняться собой, потому что внезапно понял, что, работая здесь, перестал выглядеть так, как подобает, — Демидов раздражённо повёл плечами. — Волосы должны быть абсолютно прямыми...

— Понятно, — серьёзно кивнула Ванда. — Я, пожалуй, попозже зайду.

Выйдя в коридор, она вытащила пистолет из кобуры, проверила магазин и пошла в сторону научного отдела. Пистолет она захватила из своего сейфа, прежде чем начать обследовать огромное здание СБ. Подойдя к научному отделу, Ванда решительно открыла дверь ногой и вошла в первую лабораторию, поразившись про себя стоявшей там тишине.

Эдуард стоял возле Ольгиного стола и рассматривал лапшу в картонной банке. Он поднял её, прочитал состав, понюхал и скривился.

— Какая феноменальная гадость, — произнёс он, медленно поворачиваясь к нам и разглядывая Ольгу так, словно впервые увидел. — Сними кольцо, — он сказал это вроде бы спокойно, но что-то в его голосе было такое, от чего даже у меня мурашки по спине побежали.

Я думал, что видел до этого разозлённого Эда? Да вот ничего подобного. Он так, был иногда в плохом настроении, а то и вовсе развлекался. Сейчас же он пребывал в таком бешенстве, что от одного взгляда в холодные глаза колени начинали подгибаться. Вот теперь я понимаю, почему Хрущёва так его боится. Единственная из всех ныне живущих. Ей-то как раз не

посчастливилось испытать это бешенство на себе, так сказать. Ольга что-то пискнула и спряталась у меня за спиной, а взгляд Эда переместился с неё на меня.

— Я буду очень признателен, если мне кто-нибудь объяснит, почему такие вещи я узнаю последним, — процедил он, не повышая голоса и совершенно не меняясь в лице.

— Складывается впечатление, что ты не рад, — я криво улыбнулся.

— Ну почему же, — в его взгляде промелькнула задумчивость. — Только сейчас пребываю в замешательстве: смогу ли я убить мать моего ребёнка, или всё-таки нет? Оля,ними кольцо, не зли меня ещё больше.

Ольга вышла из-за меня и стянула с пальца перстень, передав его мне. После чего отошла в сторону. На Эдуарда она в это время не смотрела.

— Ты не позаботился отречься от имени своих потомков, — заметил я, теперь уже более внимательно рассматривая тёмные нити, пронизывающие, казалось, Ольгу насквозь. Ребёнок не мог контролировать дар, и формирующийся источник бурлил, наслаждаясь такой кратковременной свободой. — Но зато теперь понятно, почему на неё так система защиты постоянно возбуждалась.

— Я не думал, что у меня когда-нибудь родится сын, — Эдуард медленно провёл рукой по лицу и обратился к Ольге. Напряжение заметно снизилось, значит, накал бешенства слегка уменьшился, но я бы всё равно никому бы сейчас не посоветовал попасться Эду под горячую руку. — Дождись меня здесь. Сегодня ты переезжаешь ко мне, и, Оля, это не обсуждается.

Может она и хотела как-то возразить, но не успела, потому что дверь в этот момент распахнулась, и в приёмную влетела Ванда.

— Насчёт Лео мы ошибались. Не думаю, что он стал бы выпрямлять свои волосы на рабочем месте просто так, — с порога начала она.

— Что он делает? — опешил немного я, возвращаясь в реальный мир с его реальными проблемами. — Как это «выпрямлять волосы»? Чем он их выпрямляет?

— Утужком. Дима, не тупи. Про Рерих вообще не спрашивай, она сейчас проводит сеанс психотерапии сама с собой. А вы, выяснили, почему Ольга не сошла с ума? — выпалила она и тут же вздрогнула, взглянув на Эда. — Ого, и что тебя так раздраконило?

— Что в лаборатории? — я быстро переключил её внимание на другую проблему. Сомневаюсь, что Эдуард сможет сейчас что-то объяснить, никого параллельно не прирезав просто для успокоения нервов.

— О, вот поэтому я вас и ишу, — Ванда перевела взгляд на меня. — Идёмте быстрее, пока эти козлы ещё что-нибудь не учудили.

Мы с Эдуардом переглянулись и шагнули к двери, а Ольга опустилась на стул Полянского и закрыла лицо руками. По лицу брата в этот момент скользнула улыбка, и я снова вздрогнул. Похоже, кто-то сегодня всё-таки может пострадать. Тряхнув головой, я быстро вышел вслед за Вандой, убеждая себя, что без моего одобрения Эд никого не убьёт.

Звонок в дверь раздался неожиданно и оттого прозвучал очень громко. Анна вздрогнула и бросила взгляд на Романа, сидевшего в этот момент на диване и пристально рассматривающего её.

— Кто это? Ты кого-то ждёшь? — тихо спросила она.

— Вечеринку захотел закатить, — усмехнувшись, ответил ей Рома. — Ну а что, неплохо было бы повеселиться, знаешь ли. Давай твоего мужа позовём? Устроим весьма пикантный тройничок? Я себя сейчас хорошо контролирую, так что могу позволить себе некоторые эксперименты и разнообразия?

— Что ты несёшь? — Анна поморщилась.

— Да, ты права, — Роман сокрушённо покачал головой. — Моя жена этого явно не оценит, если узнает. Она, конечно, не Лизонька Полянская, но убивать умеет, а мне пока моя жизнь дорога, как ни странно.

— Ты что, действительно женат? — Анна стиснула кулачки.

— А я тебе об этом разве не говорил? — Гаранин поднял руку, продемонстрировав обручальное кольцо.

— Ничего не понимаю, — Анна сжала пальцами виски. — Но как ты сумел обойти запрет?

— Как-то сумел, — Роман заложил руки за голову и потянулся. Звонок между тем повторился. — Не хочешь открыть? Это доставка еды. Я заказал, пока ты в туалете мысли в порядок приводила.

— Хочешь сказать, что я могу спокойно подойти к двери и открыть её? — Анна прищурилась.

— Конечно. Меня не бывает дома довольно продолжительное время. Я же не могу допустить, чтобы ты с голода умерла, верно? Ты вполне можешь заказать и продукты, если пожелаешь есть домашнюю пищу, — Роман уже откровенно усмехался. — Так ты не хочешь проверить?

— Хочу, — она решительно направилась к двери и распахнула её. Стоявший за дверью парень протянул ей объёмный пакет и какую-то бумажку.

— Подпись поставьте, — равнодушно протянул курьер. Он уже устал мотаться по городу, а впереди его ждало ещё несколько заказов, поэтому нерешительность дамочки его раздражала.

— Да, конечно, — Анна поставила подпись и отдала бумагу обратно курьеру. Он сразу же отошёл от двери, а она бросила быстрый взгляд на Ромку, бросила пакет на пол и рванулась в открытую дверь. Ей даже удалось переступить через порог, но тут по периметру двери вспыхнула красная дуга, и её втокнуло обратно в комнату, а дверь захлопнулась прямо у неё перед носом.

— Ну что, убедилась? — Рома лениво встал с дивана и поднял пакет. — Надеюсь, ничего не помялось, а то неприятно будет. И не пытайся больше провернуть ничего подобного. Получать заказы ты можешь, но выйти отсюда — нет. Чем больше будешь пытаться, тем серьёзнее будет отпор защиты. Так что не доводи до смертельного удара, ладно? Мне-то всё равно, а Витёк расстроится.

— Подонок, — Анна всхлипнула и села за стол, обхватив голову руками.

— Я знаю, — Роман пожал плечами и бросил пакет перед ней. — И что? Разбери, я всё-таки ранен и ещё до конца не восстановился. И да, дорогая, от того, что я оказался всё тем же подонком, которого ты помнишь, ничего не меняется. Запомни это, пожалуйста, не доводи до печальных последствий.

Анна вскочила и начала вытаскивать из пакета коробки, а Роман подошёл к окну и уткнулся лбом в холодное стекло. Он сделал расклад после того, как запер здесь бывшую невесту. Его шансы на выживание увеличились до тридцати процентов, и Рома впервые за эти дни позволил себе начать надеяться на то, что в итоге для него всё обойдётся.

Глава 5

В научном отделе царила тишина. После воплей, доносившихся из кабинетов, где, судя по звукам, ругань то и дело переходила в мордобой, здесь царило редкое умиротворение.

— Не понял, — покрутив головой, я посмотрел на Вишневецкую. — А где все? Ванда, я же просил позаботиться о том, чтобы сотрудники научного отдела оставались на местах.

— Ты это говорил исключительно по поводу Медведевой, но остальные где-то здесь, — она решительно тряхнула головой, прошла по полутёмному залу и распахнула первую попавшуюся дверь.

Из лаборатории на нас хлынул ослепительный свет, и на фоне этого света прямо перед нами возникла тёмная фигура. Я моргнул и непроизвольно сделал шаг назад, но тут фигура приблизилась, и мне удалось опознать в ней Вольфа.

— Дмитрий Александрович! — учёный осторожно приблизился ко мне, косясь с опаской на Эда. — Эдуард Казимирович, а вы что здесь делаете в такой поздний час? Разве вы не должны уже дома отдыхать?

— Сергей Валентинович, что происходит? — тихо спросил я, разглядывая огромный фингал на пол-лица, украшающий физиономию учёного. Одет он был в защитный костюм, только без маски, а на голове у него красовалась... шапочка из фольги?! — Что, вашу мать, происходит в моём СБ? — я уже шипел, и чтобы меня расслышать, Вольфу пришлось приблизиться поближе.

— Ну-у-у, — протянул учёный и попятился. Отвечать мне он, судя по всему, не собирался.

Я сжал кулаки и сделал шаг к нему, но тут к нам подбежала Медведева, и он отступил в сторону, вздохнув с явным облегчением.

— Дмитрий Александрович, не нужно так нервничать, я вам сейчас всё объясню, — прошептала начальница научного отдела, преданно заглядывая мне в глаза. Я же стоял и рассматривал шапочку из фольги у неё на голове. — Вы только не волнуйтесь, пожалуйста.

— Лана Андреевна... — начал я, но меня прервала Ванда, заговорившая одновременно со мной.

— А что это у вас на голове? — подруга закусила губу, и по её виду было не совсем понятно, она собирается смеяться или разрыдаться.

— А это... — Медведева махнула рукой и очень ненатурально рассмеялась, но, заметив, как на моём лице заиграли желваки, быстро проговорила, убрав даже намёк на улыбку: — Отражатель сигнала. Экспериментальным путём мы выяснили, что это работает лучше всего остального.

— Работает что?! — рявкнул я, с трудом подавив в себе желание схватить её за плечи и встряхнуть.

— Эм, — Медведева запнулась, а потом быстро продолжила: — Мы его назвали «Артефакт правды».

— Артеф... — я запнулся, уставившись на неё. — Что я только что услышал? Лана Андреевна, отвечайте немедленно!

— Дмитрий Александрович, ну не надо так волноваться, — Медведева схватила меня под руку и потащила к своему кабинету. — Я вам сейчас всё объясню.

— Вы уж постарайтесь, Лана Андреевна, — тихо произнёс у нас за спиной Эд. — Иначе я сам придумаю возможные ответы, и вот тогда кто-то действительно сегодня может пострадать.

— Эдуард Казимирович, у вас что-то произошло? — она посмотрела на него из-за моего плеча. — У вас такой вид...

— Вас это не касается, Лана Андреевна, — прошептал Эд, подходя к нам так близко, что я напрягся, ощутив его у себя за спиной. — Начинайте рассказывать, пока я ещё более-менее себя контролирую.

В этот момент мы ввалились в кабинет Медведевой, и Лана сгрузила меня на своё место, сев напротив и сложив руки на коленях с видом девочки-отличницы. Рядом с ней села Ванда, с любопытством оглядываясь по сторонам. На фоне царившего вокруг беспредела она, казалось, на секунду даже отвлеклась от мыслей о Роме. Эд же встал возле стены, навалившись на неё плечом и скрестив руки на груди.

— Рассказывайте, что за странные эксперименты вы здесь проводите, — приказал я Медведевой, и она, вздохнув и покосившись на Великого Князя, начала каяться.

— Помните, Вольф говорил вам, что Роман Георгиевич, когда нервничает, делает разные артефакты, просто чтобы руки занять. Ну, как некоторые люди шагами комнату измеряют или начинают что-то рисовать... — начала Медведева. Я её не перебивал, давая собраться с мыслями. Она снова бросила взгляд на Эдуарда и продолжила: — Но все его поделки обычно быстро дифференцировались по возможному действию. У нас всё-таки работает отличная команда, лучшая в Российской Республике, а то и во всём мире...

— Лана Андреевна, не увлекайтесь, — я вернул её к обсуждаемой теме, пока она не свернула с неё совсем уж далеко.

— Да-да, конечно, — тут же согласилась Медведева. — Так вот, однажды Роман Георгиевич сделал артефакт, назначение которого мы не смогли понять. Вы же знаете, что Сергей Валентинович очень увлекающаяся натура. Он ночами не спал, всё пытался доработать этот артефакт, чтобы понять, для чего он был всё-таки предназначен. Кризис с вирусом отвлек его на некоторое время от этой интересной задачи, и Сергей Валентинович пребывал не в лучшем расположении духа...

— Лана Андреевна! — в голосе Эда явственно прозвучали рычащие нотки.

— Не перебивайте меня, Эдуард Казимирович, — она снова покосилась на него. — Я и сама могу сбиться, без вашей посильной помощи. — Замолчав на мгновение, Медведева выпалила: — Мы даже сразу не поняли, когда Вольфу удалось доработать артефакт. Это было на самом деле ужасно, — она прижала руки к запольхавшим щекам. — Вы не представляете, сколько претензий у учёных может накопиться друг к другу.

— Мне всегда казалось, что вы не сдерживаетесь, прекрасно друг друга костеря и без помощи различных сомнительных артефактов, — я хмыкнул, откидываясь на спинку кресла. — Во всяком случае, Вольф никогда ничего в себе не держит.

— Вы ошибаетесь, — Медведева вздохнула. — Абсолютную правду нельзя вываливать без разбора. Она никому не нужна на самом деле. Например, нельзя говорить начальнику лаборатории, занимающейся изучением практического применения различных физических агрегатов, что она выглядит минимум на сорок пять в свои тридцать восемь и ей не мешало бы похудеть килограмм на двадцать. Наталья Петровна прекрасно выглядит и является образцом для подражания всех женщин-учёных, просто в тот день произошёл небольшой сбой эксперимента и её слегка потрепало.

— А-а-а, — протянула молчавшая до этого времени Ванда. — Ну тогда понятно, откуда у Вольфа такой замечательный фингал. Ну, это ему ещё повезло, если он действительно ляпнул подобное.

— Нам удалось Сергея Валентиновича отбить, и это было непросто, — Лана посмотрела на меня и несмело улыбнулась.

— Лана Андреевна, когда вы всё-таки поняли, что сделал Гаранин и сумел закончить Вольф? — спросил Эд, о чём-то напряжённо размышляя.

— Когда я сказала Довлатову, что он хоть и Тёмный, но не соответствует моим представлениям о них. Что мне всегда казалось, что Тёмные — это воплощение опасности, что одно

присутствие рядом адепта смерти выносит мозг и заставляет сердце колотиться с непередаваемой скоростью. Что почему-то такие странные мысли у меня всегда проносятся в голове при виде Эдуарда Казимировича, а вот Довлатова охота потискать и поплакаться ему в жилетку, — тут она закусила губу, снова покраснела и уставилась в стол, промямлив. — Собственно, тогда мы узнали, что на Тёмных артефакт не действует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.